

Санкт-Петербургская православная духовная академия

Архив журнала «Христианское чтение»

И. Орфаниитский

Пророчество Исаи о страданиях и прославлении Раба Иеговы

Опубликовано:

Христианское чтение. 1881. № 11-12. С. 599-682.

© Сканирование и создание электронного варианта:
Санкт-Петербургская православная духовная академия (www.spbda.ru),
2010. Материал распространяется на основе некоммерческой лицензии
Creative Commons 3.0 с указанием авторства без возможности изменений.

*Издательство СПбПДА
Санкт-Петербург
2010*

Пророчество Исаи о страданияхъ и прославлении Раба Іеговы (ЛІІ, 13—ЛІІІ, 12).

Ни въ одной ветхозавѣтной священной книгѣ не найдется столь ясного и полнаго изображенія страданій Мессіи и внутренняго ихъ значенія для человѣчества, какое мы находимъ у Исаи. Дѣйствительно, когда читаешь пророчество Исаи о страданіяхъ Мессіи, то хочется вѣрить, что это не картина событія, имѣвшаго совершилось спустя нѣсколько сотъ лѣтъ по смерти писателя, а изображеніе событія, которое совершилось на его глазахъ, и значеніе котораго онъ опредѣлилъ по наличной дѣйствительности; тогда соглашаешься съ Іеронимомъ, что Исаія является здѣсь *magis evangelista, quam propheta*.

Вследствіе такой ясности и опредѣлительности пророчества Исаи о страданіяхъ и прославлении Раба Іеговы долгое время единогласно относили это пророчество къ Мессіи. Есть данные утверждать, что уже сами іудеи видѣли здѣсь изображеніе судьбы Мессіи. Объ этомъ свидѣтельствуютъ даже іудейскіе писатели. „Христіанскіе ученые, говоритъ Абраванель, относятъ это пророчество къ тому мужу, котораго раепили въ Йерусалимѣ предъ разрушеніемъ втораго храма,—къ мужу, который, по ихъ мнѣнію, быль Сынъ Божій, ставшій человѣкомъ во чревѣ Дѣвы; но Йонафанъ-бенъ-Узиль толкуетъ это мѣсто въ отношеніи къ будущему Мессіи, и таковъ взглядъ древнихъ во многихъ ихъ мидрашахъ“¹⁾). И дѣйствительно, въ мидрашахъ и талмудѣ существуютъ такія толкованія на наше пророчество, по которымъ оно относится къ

¹⁾) Biblischer Commentar über d. Prophet Iesaia, von Delitsch, S. 502.

Мессії. „Какое имя Мессії?“ спрашиваетъ талмудъ, и отвѣтъ: „богъзненный, какъ сказано: сей грѣхи наша носятъ и о насть болѣзнуєтъ“. „Мессія, говорится въ другомъ мѣстѣ талмуда, признаетъ на Себя всѣ страданія и мученія за грѣхи израильянъ. Когда израильяне жили въ своей землѣ, они устранили отъ себя всѣ страданія и бѣдствія посредствоъ жертвоприношеній; но послѣ того эти бѣдствія устраниетъ самъ Мессія, какъ написано: Той язвенъ бысть за грѣхи наша и мученъ бысть за беззаконія наша; наказаніе мира нашего на Немъ“¹⁾.

Но если по нѣкоторымъ приведеннымъ пами давнимъ можно заключать, что уже іudeи принимали разматриваемое пророчество за мессіанское, то существуютъ многочисленныя и твердныя свидѣтельства за то, что въ христіанствѣ съ самого его возникновенія смотрѣли на пророчество Исаіи, какъ на мессіанское и видѣли въ немъ классическое мѣсто Ветхаго Завѣта въ учениіи объ искуплѣніи. Уже въ новозавѣтныхъ книгахъ приведенъ по частямъ почти весь разматриваемый отрывъ, какъ пророчество о страданіяхъ Г. Христа. Ап. Павелъ въ посланіи къ Римлянамъ ссылается на ЛІІІ, 15 Ис. въ подтвержденіе мысли, что и язычники должны увѣровать во Христа. Въ томъ же посланіи и въ Евангеліи Іоанна указывается на ЛІІІ, 1. Ев. Матея считаетъ ЛІІІ, 4 пророчествомъ объ исцѣленіи Г. Христомъ больныхъ. Ап. Петръ, какъ пророчество о дохостроительствѣ нашего спасенія, совершиенному Г. Христомъ, цитуетъ ЛІІІ, 4—6 и 9. Въ Дѣяніяхъ въ исторіи обращенія ап. Филиппомъ евнуха царицы Кандакіи откесены къ Г. Христу ЛІІІ, 7—8. По повѣствованію ев. Луки, самъ Г. Христосъ предъ взятіемъ Его слугами первосвященническими въ бесѣдѣ съ апостолами отводить къ Себѣ слова Исаіи: и къ злодѣямъ приученъ (ЛІІІ, 12). По этимъ не вполнѣ еще опредѣляется возврѣтие Нового Завѣта на разматриваемое пророчество. Если мы ближе всмотримся въ способъ раскрытия и терминологію въ новозавѣтномъ учениіи объ искуплѣніи, то и здѣсь

¹⁾ Введеніе въ правосл. богословіе, А. Макарія, стр. 279. Тамъ же можно читать и другія свидѣтельства въ этомъ родѣ.

угидимъ, что апостолы имѣли твердое убѣжденіе въ мессіанскомъ смыслѣ пророчества Исаіи и при изложении ученія объ искуплѣніи употребляли тѣ же выраженія и тотъ же способъ раскрытия мысли, какой мы встречаемъ въ пророчествѣ Исаіи о страданіяхъ Раба Богона. Подтверждь это примѣрами. Римл. IV, 25 ап. Павелъ пишетъ: *Христосъ преданъ за грѣхи наши и воскресъ для оправданія нашего.* У Исаіи читаемъ: *Онъ изъязвленъ былъ за грѣхи наши и мучимъ за беззаконія наши; Праведникъ, Рабъ мій, оправдываетъ многихъ* (ЛІІІ. 5 и 11). 2 Кор. V, 21: *Его незнавшаю грѣха Богъ сдѣлалъ (жертвою за) грѣхъ.* Исаіи ЛІІІ, 10: *душа Его принесетъ жертву вины.* Фил. II, 8—11 представляетъ собою чѣмъ иное, какъ сжатое обобщеніе мыслей пророка о Рабѣ Господнемъ, проясненныхъ для апостола вліяніемъ Св. Духа и историческими событиями изъ жизни Христа. Ср. также 1 Іоан. III, 5 и Исаіи ЛІІІ, 5—6 и 9 ст. и т. п.

Всѣдѣствіе того, что мессіанскій смыслъ этого пророчества болѣе чѣмъ всякаго другаго утверждены новозавѣтными писаніемъ, всѣ писатели христіанской церкви признавали за нашія пророчествомъ такое значеніе и были весьма далеки отъ мысли понимать его какънибудь иначе. Даже болѣе, они придавали ему иногда такое же значеніе, какъ и новозавѣтныи историческимъ повѣствованіямъ о Христѣ. Такъ Климентъ Александрийскій на основаніи ЛІІІ, 2 дѣлалъ заключенія о наружномъ видѣ I. Христа¹⁾). Иустинъ, Ириней, Оригенъ, Кириллъ Александрийскій, Геронимъ, Осодоритъ, Златоустъ и другіе, а также и новые западные христіанскіе комментаторы: Витрингъ, Штиръ, Генгстенбергъ, Дрекслеръ, Делячъ, Негелсбахъ и др. понимаютъ наше пророчество какъ предъизображеніе искупительного дѣла I. Христа.

Но даваю также возникли и другія, противоположныи выскажанному, воззрѣнія на смыслъ нашего пророчества, которыхъ къ посѣденію времени въ западной, преимущественно богословско-ра-

¹⁾ Geseius. Philologisch-kritisch. und historisch. commentar a. Iesaia, 2 B.

ционалистической, литература нашла значительное разнообразие и распространенность.

Несомненно то, что подобные мнѣнія первоначально явились среди іудеевъ, и не безъ некотораго основанія можно утверждать, что они явились еще въ до-христіанское время. На эту мысль находитъ насъ тотъ извѣстный фактъ, что во времена послѣ плены вавилонскаго значительная часть іудеевъ, руководимая ложными учителями, составила себѣ представлѣніе о Мессіи, какъ о блестящемъ мірскомъ царѣ. Очевидно, что съ такимъ представлѣніемъ о Мессіи не мирится мысль объ Его страданіяхъ. Самоеѣроятное поэтому, что раввины подобного направленія въ первый разъ и сдѣлали попытку перетолковать сообразно со своею предзанятою мыслью о Мессіи рассматриваемое пророчество. И, какъ кажется, дѣло началось здесь вотъ съ чего. Не отрицая мессіанскааго характера пророчества, они перетолковывали его содержаніе приспособительно къ своимъ понятіямъ о Мессіи. Повидимому мысль объ униженіи и страданіи Раба Господня здѣсь выражена столь ясно и рельефно, что истолковать смыслъ пророчества какъ нибудь иначе очень трудно. При всемъ томъ есть основанія полагать, что іудейские толкователи не находили для себя этого дѣла невозможныхъ. Напр. во 2 ст. ЛIII гл. очень ясно говорится объ униженіи Раба Геговы: „Онь взошелъ предъ Геговою, какъ отпрыскъ и какъ ростокъ изъ сухой земли; нѣть въ Немъ ни вида, ни величія, и мы видѣли Его и не было въ Немъ вида, который привлекалъ бы насъ къ Нему“. А между тѣмъ вотъ какъ одинъ таргумъ передаетъ смыслъ этихъ словъ: „Праведникъ возвеличится предъ Геговою, какъ цвѣтуща кѣтвъ и какъ дерево, которое пускаеть свои корни при обильной водѣ. Видъ Его будетъ необычный, а потому Его будутъ бояться, не какъ простаго человѣка; красота Его будетъ красотою святости, такъ чтобы всякий, кто увидитъ Его, невольно примѣтилъ Его“¹⁾). Но думать надобно, что хотя въ до-христіанское время и истолковывали содержаніе пророчества примѣнительно къ ложному понятію о Мессіи, но все же лицомъ,

¹⁾ Homiletisch-exegetisch. Bibelwerk, herausgegeb. von Lange, d. prophet Isaia, Von Naegelsbach, S. 610.

о которомъ здѣсь идетъ рѣчь, разумѣли Мессію. | Уже въ хри-
стіанское время іудеи подъ вліяніемъ спорыть съ христіанами о
Мессіи, происходившихъ исключительно на почвѣ ветхозавѣтныхъ
мессіанскихъ пророчествъ, нашлись выпущденныи сполна отрицать
мессіанскій смыслъ этого пророчества, и подъ Рабомъ Іеговы стали
разумѣть здѣсь народъ іудейскій. Что крайней мѣрѣ известно, что
такъ іудеи толковали пророчество Исаія во 2 и 3 в.¹⁾ и въ
это время такое толкованіе, надобно думать, было и единствен-
нымъ. Но когда іудеи предлагали такое пониманіе пророче-
ства христіанамъ, то послѣдніе находили основанія оспаривать его.
Такъ Оригенъ уже указывалъ александрийскимъ іудеямъ, съ кото-
рыми онъ разсуждалъ о смыслѣ пророчества, что, если понимать
здѣсь подъ Рабомъ Господнимъ народъ іудейскій, выйдетъ несо-
образность: народъ за грѣхи народа Моего ведется на смерть.
Не смотря на это іудеи продолжали держаться своего мнѣнія. | Но
все же впослѣдствіи явились попытки дать и иное объясненіе про-
рочеству. Подъ Рабомъ Іеговы здѣсь стали еще разумѣть то или
другое ветхозавѣтное лицо, известное какою либо особенною дѣя-
тельностью въ ветхозавѣтной исторіи. Такъ, подъ Рабомъ Іеговы
разумѣли здѣсь то Моисея, то царя Давида, Езекію, Осію, Іосію,
то пророка Іеремію и даже... раввина Акібу. | Иудеи нашли себѣ
послѣдователей между западными комментаторами. Эккерманъ и
Цаулюсь видѣли въ LIII гл. пророчество о народѣ іудейскомъ;
Бунзенъ — изображеніе страдальческой судьбы пророка Іереміи;
Еасальдъ — какого-то неизвѣстного пророка мученика; Гезеніусъ на-
ходилъ, что подъ страдальческою судьбою Раба Господня здѣсь
изображена судьба всего пророческаго сословія въ Іудѣи и т. д.
Возникаетъ теперь вопросъ: какъ опознаться въ такомъ разно-

¹⁾ Свѣдѣнія объ этомъ находятся въ апології Оригена противъ Цельса.
Цельсъ, жившій во 2-мъ в. въ своемъ «истинномъ словѣ» давалъ именно такое
толкованіе пророчеству. Но такъ какъ Цельсъ былъ язычникъ, то ясно, что
приводимое имъ толкованіе пророчества не его собственное; безъ сомнѣнія оно
было въ то время ходячимъ и общепринятымъ у іудеевъ того времени. Оно же
держалось и въ 3-мъ в. Когда Оригенъ разсуждалъ съ александрийскими іудеи-
ми о смыслѣ пророчества, то іудеи понимали пророческое о народѣ іудейскомъ.
См. Vitringa, Commentar. in Iesaiam, p. II, p. 659.

образії миїнї? Гдѣ найти твердую точку опоры для точного определенія, кого или что нужно разумѣть въ данномъ пророчествѣ Исаїи подъ Рабомъ Іеговы?

Казалось бы, что самого надежнаго пути къ решенію вопроса нужно искать въ библейскомъ словоупотреблениі понятія „рабъ Іеговы“. Но на саюмъ дѣлѣ это словоупотребленіе только отчасти можетъ служить для насъ исходной точкой. Дѣло въ томъ, что понятіе „рабъ Іеговы“ по библейскому словоупотребленію имѣть очень обширный объемъ. Коренясь въ основныхъ теократическихъ началахъ жизни еврейского народа, по силѣ которыхъ Іегова есть царь Израїля, а всѣ евреи Его подданные, Его рабы, понятіе „рабъ Іеговы“ обозначаетъ всякаго, кто находится въ союзѣ или завѣтѣ съ Іеговою. По этой причинѣ оно обозначаетъ какъ весь народъ еврейский, такъ и отдельныхъ лицъ этого народа. Но по преимуществу въ св. Писаніи этимъ именемъ называются лица, особенно близко стоявшія къ Іеговѣ, вѣрно ходившія въ Его домъ. Такъ назывались Авраамъ (Быт. XXVI, 24), Моисей (М. III, 22), Давидъ (Іер. XXXIII, 26) и Исаїя (ХХ, 3; XLIV, 26). Такъ назывались далѣе всѣ пророки, какъ избранные органы и посредники Іеговы, равно какъ и всѣ праведники ветхаго завѣта, которые служили Господу и вѣровали въ Него (Іер. VII, 25; Іез. XXXVII, 17; Ам. III, 7; Зах. I, 6; Ис. LIV, 17; Іер. XXI, 7; Дан. III, 44). Наконецъ этимъ именемъ называется Мессія (Зах. III, 8). А если такъ, то само собою стѣдуетъ, что библейское употребленіе слова: „рабъ Іеговы“ можетъ служить точкою отправленія какъ для нашего воззрѣнія на Раба Іеговы у Исаїи, такъ вмѣстѣ съ тѣмъ и для миїнїй противоположныхъ. Но оно можетъ служить именно только точкой отправленія я иначѣ болѣе. При этомъ еще вопросъ: отправясь отъ той или иной точки зрѣнія на Раба Іеговы, можно ли прійти къ той цѣли, достигнуть которой хочетъ тотъ или иной изъ исследователей нашего пророчества. Чтобы доказать, что съ словами: „рабъ Іеговы“ нужно въ данномъ мѣсцѣ Исаїи соединять то, а не иное понятіе, для этого нужно показать по крайней мѣрѣ, что принятное значение понятія „рабъ Іеговы“ соответствуетъ какъ со-

держанію пророчества, такъ и отпошевію его къ предъидущей и послѣдующей части книги пророка.

Эти соображенія и опредѣляютъ для нась шуть, какимъ мы должны идти при доказательствѣ той мысли, что въ данномъ пророчествѣ именемъ раба Іеговы обозначается Мессія, и что слѣд. пророчество должно относить къ Иешу. Если мы указавши спо-собомъ показаніе несостоятельность противныхъ нашему воззрѣнію на пророчество, то чрезъ это уже очистится мѣсто для нашего пониманія его. Если же мы далѣе покажемъ соотвѣтствіе нашего воззрѣнія на лицо Раба Іеговы съ содержаніемъ пророчества и съ отношеніемъ его къ предъидущей и послѣдующей части книги, равно какъ и съ цѣлымъ библейскимъ представлениемъ о Мессіи, то наша точка зренія окажется твердой.

Какъ ни разнообразны стали анти-мессіанскія воззрѣнія на пророчество Исаіи,—всѣ ихъ для удобнѣйшаго обозрѣнія можно подвести подъ двѣ категоріи: по однѣмъ подъ рабомъ Іеговы разумѣется здѣсь какое-либо конкретное лицо ветхозавѣтной исторіи; по другимъ собирательное лицо или народа іудейскаго или пророческаго гosловія въ Гудѣ.

Что касается до сравнительного достоинства воззрѣній той и другой категоріи, то воззрѣнія первого рода уступаютъ воззрѣніямъ второй категоріи.²⁷ Воззрѣнія первой категоріи съ первого взгляда оказываются противными исторіи, несущественными и натянутыми. Действительно, еслибы подъ рабомъ Іеговы разумѣть здѣсь какое либо лицо ветхозавѣтной исторіи, то невозможно было бы опредѣлить связь рассматриваемаго отдельна съ предъидущую и послѣдующую частью книги. Изображеніе судьбы того или другаго изъ разумѣемыхъ здѣсь историческихъ лицъ въ томъ мѣстѣ книги Исаіи, въ какомъ оно находится, было бы для читателя совер-шенною искажданностью. Опъ быль бы поставлена въ величайшее недоумѣніе относительно того, что за странные переходы въ тече-ніи своихъ мыслей допускаетъ пророкъ и съ какой стати онъ вадумать изображать здѣсь судьбу Моисея, Давида, Езекія, Осія, Іеремія и т. п. Вотъ очевидная связь мыслей пророка. Взору пророка представляются іудеи въ глубокомъ поработеніи и угне-

тенії. Властелины народа не только угнетаютъ тѣло, но и самый духъ его, постоянно, всякий день безславя имя его Бога. Іегова не хочетъ больше терпѣть такого отношенія къ Своему народу его притѣснителей. Онъ торжественно на глазахъ всѣхъ освободить Свой народъ отъ рабства. Однакоже Іегова совершить это дѣло не Самъ непосредственно, а чрезъ посредство Своего Раба—вотъ Рабъ Его въ этомъ дѣлѣ будетъ благоуспишиенъ, возвысится, вознесется и возвеличится (и кстати: читатель безпристрастный уже въ этой характеристицѣ Раба Господня—высокаго и превознесеннаго—не узнаетъ ли Мессію? Подобные эпитеты пророкъ прилагаетъ только еще къ Іеговѣ и ни къ кому изъ людей—Ис. LVII, 15). И далѣе пророкъ изображаетъ чудный, недовѣдомый для человѣческаго ума способъ освобожденія Израиля изъ плѣна. Обычные вожди и освободители своего народа обычно бываютъ людьми, вѣющій видъ которыхъ отмѣченъ особою печатью величія и мужества; они требуютъ себѣ полнаго повиновенія со стороны народа и не терпятъ прекословія. Это сила дѣйствующая и вполнѣ господствующая надъ народомъ. Но Рабъ Іеговы составляетъ совершиенную противоположность этому типу вождей и освободителей народныхъ. Онъ будетъ имѣть обычный вѣющій видъ и освободить народъ чрезъ... Свои страданія и смерть. И все же Онъ достигнетъ полныхъ результатовъ. Слѣдствіемъ Его дѣятельности будетъ не только полное освобожденіе Израиля, но и расширение и полное процвѣтаніе общества, полное удовлетвореніе всѣмъ его духовнымъ потребностямъ (гл. LIV—LV). А если такъ, то позволительно теперь спросить: какимъ образомъ могла выполнить эту великую историческую задачу, возложенную Іеговою на Своего Раба, тѣнь Моисея или Давида? И какимъ образомъ можно присоединить выполненіе такой задачи Езекії, Осії, пророку Йеремії и т. п.? Конечно, писателю (разсуждая съ естественной точки зреянія) позволительно впадать въ преувеличенія при изображеніи значенія того или иного лица; но здѣсь будутъ уже не преувеличеніе, а простая историческая ложь. И здѣсь безъ сомнѣнія заключается причина, по которой Эвальдъ былъ вынужденъ прійти къ предположенію, что рассматриваемый отдѣльно есть ветвька въ книгѣ

пророка, что онъ не стоитъ въ связи съ другими частями этой книги. Но это предположеніе совершенно неосновательно. На самомъ дѣлѣ рассматриваемый отдѣлъ стоитъ въ такой тѣсной связи съ предшествующей ему и послѣдующей частью книги, что не будь его, и для нась не была бы ясна связь мыслей, изложенныхъ въ 40—52 съ мыслями 54 гл. и д. Израиль въ идолопоклонствѣ и нечестіи; онъ въ плѣну и угнетеніи; никакія благодѣянія и наказанія не могутъ обратить его къ Геговѣ, и Гегова хочетъ спасти его отъ плѣна не вслѣдствіе его исправленія, а ради Своего святаго имени. Вотъ мысли пророка, изложенные въ предыдущихъ главахъ. А въ послѣдующихъ главахъ пророкъ торжествуетъ, представляя себѣ судьбу Израиля: Израиль расширяется, милость Господня къ нему будетъ возвращена, Гегова заключить съ нимъ вѣчный и непоколебимый завѣтъ мира, изольть на него милости, обѣщанныя Давиду. Еслибы мы не знали изображеній пророкомъ въ срединѣ этихъ главъ дѣятельности Раба Геговы для Израиля, то для нась была бы неясна такая перемѣна въ отношеніи Израиля и въ отношеніяхъ къ нему Геговы, равно какъ мы не знали бы и способа обѣщаннаго Господомъ освобожденія Израиля изъ плѣна. Но все это объясняетъ наше ученіе пророка о дѣлѣ Раба Геговы. Это во-первыхъ. А во-вторыхъ самое описание судьбы Раба Господня у Исаіи или вовсе не-приложимо (какъ напр. къ Езекії, Осії и т. п.), или въ полной мѣрѣ неприложимо ни къ одному изъ вышеупомянутыхъ историческихъ лицъ. Если же въ нѣкоторой мѣрѣ и въ самыхъ общихъ чертахъ судьба изображаемаго Исаію Праведника—Раба Господня и сходна съ судбою того или другаго изъ ветхозавѣтныхъ праведниковъ, то это обстоятельство говорить противъ того положенія, которое хотять имъ доказать. Судьба праведника, проявляющаго свою дѣятельность среди грѣховнаго и развращеннаго общества, въ общихъ чертахъ всегда одна и таже: она всегда болѣе или менѣе представляеть собою рядъ недостойныхъ мученій и преслѣдованій, иногда заканчивающихся насильственnoю смертью (Мо. XXIII, 34—37; Евр. XI, 36—38). Но по этой-то причинѣ общее сходство судьбы того или другаго ветхозавѣтного пра-

ведника съ судьбою Раба Господня у Исаи и не даетъ памъ
права на основаніи такого сходства заключать, что въ пророчес-
твѣ Исаи подъ Рабомъ Іеговы разумѣется то или другое ветхозавѣтие историческое лицо.

Большинъ правдоподобіемъ отличаются тѣ возврѣнія, по ко-
торымъ подъ Рабомъ Іеговы у Исаи нужно разумѣть не конкрет-
ное, по собирательное лицо народа іудейскаго или цѣлаго проро-
ческаго сословія въ Гудеѣ. По первому изъ нихъ пророкъ образно
и метафорически высказываетъ мысль, что народъ чрезъ презрѣніе,
униженіе и страданіе въ языческомъ плѣну обновится нравственно,
и нравственно обновившись самъ устроить свое освобожденіе изъ
плѣна. Народъ, который будетъ совершенно уничтоженъ, какъ са-
мостоятельное политическое общество (каковую мысль даютъ слова
пророка о смерти и погребеніи Раба Іеговы), опять возстанетъ для
самостоятельной политической и религіозной жизни, сдѣлается пе-
редовымъ народомъ, центромъ религіозной жизни, отъ которого
будутъ падать лучи религіознаго и нравственнаго просвѣщенія и па-
зыческое общество. Тогда-то язычники съ изумленіемъ узнаютъ и
поймутъ, что Израиль страдалъ невинно и за нихъ. Правда, въ
другихъ мѣстахъ книги Исаи страданія народа называются за-
служенными; но тамъ пророкъ говоритъ о народѣ съ своей точки
зрѣнія, а здѣсь съ точки зрѣнія язычниковъ. Основанія для та-
кого пониманія заключаются въ слѣдующемъ: выраженіе „рабъ
Іеговы“ у Исаи чаще употребляется по отношенію къ народу; эму
рабу Іеговы чаще противополагаются языческие народы.

Оцѣнимъ справедливость и силу этихъ основаній. Правда, въ
книгѣ пророка Исаи, въ особенности начиная съ XI-й гл., народъ
израильскій очень часто является съ именемъ раба Іеговы; по-
правда также и то, что во всей второй части книги Исаи яв-
ляются два лица, которые называются одними и тѣми же именами:
рабомъ Іеговы, Израилемъ, но которые характеризуются различ-
ными чертами и въ некоторыхъ случаяхъ одинъ другому прямо
противополагаются (XLIII, 10; XLIX, 3—5). Одинъ изъ нихъ
составляетъ исключительно предметъ божественнаго благовolenія,
особеннаго попеченія и любви. Это Рабъ нравственно безупречный,

крутый и смиренный, на Которо чь почечеть Духъ Іеговы, и на Котораго Іегова возложилъ великую миссію привести правду народа и возвѣстить истину Израилю.—Рабъ, Котораго Іегова поставляетъ завѣтомъ для народа и сиѣтомъ для язычниковъ, чтобы открыть глаза слѣпыхъ. вывести узниковъ изъ заключенія и сидящихъ во тмѣ изъ темницы, Рабъ Іеговы—Израиль, котораго Іегова избралъ, чтобы обратить къ Себѣ Іакова и чтобы Израиль обратился къ Нему (XLII, 1—7; XLIII, 10; XLIX, 5). Другой рабъ составляетъ также предметъ божественнаго попеченія, но вмѣсть и предметъ божественной укоризны и гнѣва, рабъ, который нуждается въ помилованіи и спасеніи. И это различіе между двумя лицами, являющимися у пророка подъ однимъ именемъ, настолько опредѣленно, что Гезеніусъ, желающій изслѣдоватъ книгу Исаіи безъ всякой предвзятой догматической или вѣронсповѣдной мысли, вынужденъ признать, что здѣсь подъ однимъ названіемъ говорится о двухъ различныхъ предметахъ и, какъ мы замѣтили, подъ однимъ изъ рабовъ Іеговы разумѣеть пророческое сословіе, представляемое у Исаіи олицетворено, какъ одно живое лице, и это пророческое сословіе онъ считаетъ предметомъ прооповѣди изложенной въ LII, 13; LIII, 12. Что касается того, въ какомъ смыслѣ пророкъ чаще употребляетъ слово: рабъ Іеговы, это для настъ безразлично; для настъ важно было показать, что, по воззрѣнію пророка, рабъ Іеговы, который спасаетъ Израиля, лицо, совершенно отличное отъ Израиля. Несправедлива и та мысль, будто бы пророкъ говорить здѣсь объ іудеяхъ отъ имени язычниковъ; потому что пророкъ во всей своей книгѣ говорить только отъ имени Іеговы, своего собственнаго и отчасти отъ имени народа и никогда отъ имени язычниковъ,—и еслибы онъ въ данномъ случаѣ захотѣлъ сдѣлать исключение, то всего естественнѣе было бы ожидать, что онъ ясно обозначилъ бы эту рѣчь, какъ рѣчи язычниковъ¹⁾. Перейдемъ теперь къ разсмотрѣнію другаго мнѣнія. Вотъ какъ излагаетъ его Гезеніусъ въ своемъ комментаріи на книгу пророка

¹⁾ Нѣкоторыя частные замѣчанія о рассматриваемомъ мнѣніи можно читать въ Commentar. in Jesaiam, Vitrинга, р. II, р. 660.

Исаи. Пророки трактуются у Исаи, какъ цѣлое, какъ нравственное лицо. Вмѣсто того чтобы называть ихъ рабами Іеговы (Пер. XXV, 4; XXVI, 5; Ам. III, 7), Исаія собирательно называетъ ихъ рабомъ Іеговы, однако такъ, что это собирательное значение единственного ясно просвѣчиваетъ. Ср. XII, 26 ст., гдѣ въ параллель съ **נָבִיאֵיכֶם** стоитъ **נָבִיאַיְךָ** — Его вѣстники и LIII, 8, гдѣ это выраженіе поставлено въ сочетаніи съ суффиксомъ мн. ч. **וּמָה**. Отсюда понятно, какъ объ одномъ и томъ же индивидуумѣ можно сказать, что онъ умеръ и погребель (LIII, 8—9) и вмѣстѣ, что онъ доживеть еще до своего триумфа: если одинъ пророкъ умретъ мученическою смертью, то останется еще цѣлое сословіе, которое увидитъ полное свое торжество. Отсюда понятво далѣе и то, что пророкъ, соединяя свою рѣчь съ рѣчью Іеговы, говорить о себѣ въ первомъ лицѣ, а объ этомъ рабѣ Іеговы въ третьемъ, хотя иногда присоединяетъ къ своей рѣчи и рѣчь всего пророческаго сословія (LIII, 1). Что пророки много терпѣли отъ безрелигіозности народа и въ особенности знатныхъ и прежде пльна, это мы видимъ уже изъ историческихъ книгъ (З Цар. X, 13, 19; 10, 14; Ср. Мо. XXIII, 37) и еще яснѣе изъ примѣра Йереміи, вся жизнь которого представляла рядъ преслѣдований, приготовленныхъ ему безрелигіозностью и невѣріемъ народа. Въ пльну къ этому присоединилось еще презрѣніе и преслѣдованіе со стороны язычниковъ; отсюда понятны съ одной стороны потребность въ самоапології, а съ другой возникновеніе блестящихъ надеждъ, которыхъ естественно порождались ученіемъ евреевъ о воздаяніи.

Основное положеніе, съ паденіемъ котораго падаетъ вся гипотеза Гезеніуса, состоить въ слѣдующемъ: пророки трактуются у Исаи, какъ цѣлое, какъ единое нравственное лицо. На чемъ зиждется такое утвержденіе Гезеніуса? Оно держится лишь на нѣсколькихъ процитированныхъ имъ мѣстахъ изъ Исаи, мѣстахъ или спорныхъ или произвольно имъ понимаемыхъ. Такъ онъ ссылается на XII, 26 Исаи, гдѣ читаемъ: „Іегова утверждаетъ слово раба Своего и исполняетъ опредѣленіе вѣстниковъ Своихъ“. Гезеніусъ думаетъ, что здѣсь подъ словомъ: „раба Своего“ разу-

мъется тоже самое, что и подъ словомъ „вѣстниковъ“, т. е. пророки вообще. Единственное основаніе для этого параллелизмъ. Но вѣдь два члена параллели часто заключаютъ мысли лишь подобныя, но не тождественные, о чмъ ближайшимъ образомъ свидѣтельствуетъ вторая половина стиха: „который говорить Іерусалиму: ты будешь населенъ, и городамъ іудейскимъ: вы будете построены“. Вѣдь Іерусалимъ и города іудейскіе понятія не тождественные. Скорѣе по ходу мыслей и на основаніи параллелизма можно заключать слѣдующее: въ первой половинѣ параллели стоитъ частное понятіе, во второй—общее. Какое же частное понятіе разумѣть здѣсь подъ выражениемъ „рабъ Іеговы“? Нѣтъ никакого препятствія разумѣть здѣсь самого Исаію, какъ это и понимаютъ нѣкоторые комментаторы по сопоставленію съ ХХ, 3¹). Пожалуй вмѣстѣ съ Деличемъ можно согласиться, что здѣсь разумѣется народъ еврейскій, при чмъ тоже самое можно понимать и подъ словами: „вѣстниковъ своихъ“, можно понимать такъ по сличенію съ XLII, 19: кто такъ слѣпъ, какъ рабъ Мой и глухъ, какъ вѣстникъ Мой, гдѣ подъ рабомъ и вѣстникомъ разумѣется народъ еврейскій, призванный возвѣщать имя Іеговы среди язычниковъ²).

Что касается толкованія Гезеніуса LIII, 1 и 8 въ пользу своей гипотезы, то и здѣсь его пониманіе нельзя признать правильнымъ. Необходимо согласиться, что „мы“ ст. 1 и „мы“ стиховъ послѣдующихъ одно и тоже лицо; предполагать здѣсь различныя лица нѣтъ никакого основанія. А если такъ, то при предположеніи, что въ LIII, 1 говорить пророки отъ своего имени, а съ другой стороны, что этихъ-то пророковъ и нужно разумѣть подъ рабомъ Іеговы LIII главы,—слова LIII, 2—5 получали бы странный смыслъ. Тогда выходило бы, что, по Исаію, пророки презирали самихъ себя, были мучими за свои грѣхи и т. п.—И въ LIII, 8 нѣтъ никакого основанія въ ^{въ} видѣть супф. множ. ч. Конечно ^{въ} употребляется и какъ форма мн. ч., какъ вар. въ Пс. II, 4; но она же бываетъ и формой ед. числа,

¹⁾ Der Prophet Jesaia. von Naegelsbach S. 519; Stier's, Jesaia, S. 168.

²⁾ Biblisch. Commentar u. d. Proph. Jesaia, S. 443.

напр. Пс. XLIV, 15. И кажется быть другого способа опредѣлить, какъ нужно въ данномъ случаѣ понимать эту форму, какъ форму ед. или же множ. ч., — кромѣ слѣдующаго простаго способа: посмотрѣть, къ существительному ед. или множ. ч. относится эта именная форма. Если въ Пс. II, 4 ^{בָּםְ} относится къ ^{בָּםְ}, ^{בָּנְךָ} и пр., то ясно, что эта ^{בָּםְ} суффиксъ должно считать за форму мн. числа. Но если въ LIII, 8 ^{בָּמְ} относится къ ^{בָּנְךָ}, то быть никакого права считать здѣсь эту форму за форму мн. числа. Итакъ, всѣ основанія для гипотезы Гезеніуса, находящіяся въ самомъ текстѣ книги Исаи, оказываются шаткими.

Далѣе, принимая проповѣдь Исаи LIII, 13,—LIII, 12 за метафору, мы встрѣтимъ здѣсь метафорическую картину едва ли не единственную во всѣхъ священныхъ книгахъ, картину, которая ни единому намекомъ не даетъ поять, что здѣсь идетъ символическое, а не прямое предѣзображеніе предмета (ср. Іезек. XXXVII гл., гдѣ символическій характеръ видѣнія ясно просвѣчиваєтъ). Наконецъ, укажетъ ли Гезеніусъ гдѣ либо еще примѣръ того, чтобы пророки предавались такимъ сладостнымъ мечтамъ, какія имъ влагаетъ здѣсь въ уста Гезеніусъ? Нѣтъ, пророки никогда не обманывались относительно своего положенія въ обществѣ: всегдашній примѣръ и даже естественная проницательность и пониманіе нравственного склада народнаго характера, въ чемъ никто имъ не откажеть, должны были убѣдить ихъ въ той мысли, что они могутъ ожидать себѣ награды за свой трудъ только непосредственно отъ Іеговы и что они никогда не дождутся своего триумфа на землѣ, среди народа израильскаго. Предположимъ даже, что почетное положеніе пророка, о которомъ говорится въ LIII гл., какъ обѣ этомъ думаетъ Гезеніусъ, должно бы наступить для пророка въ томъ идеальномъ обществѣ, о которомъ говорить Исаія во II гл. и въ послѣднихъ главахъ своей книги. Но и при этомъ предположеніи дѣло нисколько не выиграетъ. По изображенію самихъ пророковъ въ это время не будетъ пророковъ какъ отдельного отъ народа, избраннаго класса, потому что тогда весь народъ будетъ пророками. Тогда не будетъ нужны въ пророкахъ, какъ особыхъ лицахъ, имѣвшихъ главное назначеніе быть пропо-

въдниками показанія и нравственности, такъ какъ тогда весь народъ будетъ добродѣтельнымъ (Ис. LIV, 13; LIX, 21; Дан. IX, 24; Іоил. II, 28).

При всемъ томъ вторая категорія воззрѣй заключаетъ въ себѣ и моментъ истины: первое воззрѣніе не совершенно утратило еще мессіанскій характеръ, а второе составляетъ поворотъ къ мессіанскому пониманію пророчества. Мессіанская черта первого воззрѣнія сказывается уже въ томъ, что Рабъ Іеговы признается здѣсь чрезъ свои страданія и смерть совершающимъ нравственное обновленіе Израиля и просвѣщающимъ язычниковъ. Но несправедливая сторона этого воззрѣнія заключается въ томъ, что самъ народъ представляется здѣсь устроющимъ свое идеальное царство, кабовая мысль противорѣчить общему библейскому и въ частности пророческому представлению, по которому устроителемъ мессіанского царства является Мессія,—лице, отдѣльное отъ народа.— Второе иноймъ еще болѣе носить на себѣ мессіанскій отпечатокъ, устраяя недостатокъ первого воззрѣнія тѣмъ, что въ немъ на място народа устроителемъ идеального царства становится собирательное, родовое, идеальное лицо пророка, посланника Божія вообще, который своими страданіями и смертью основываетъ идеальное царство. Недостатокъ этого воззрѣнія заключается только въ томъ, что оно подъ собирательнымъ лицемъ пророка хочетъ видѣть исторически существовавшій весь классъ пророковъ въ совокупности, на что, какъ мы видѣли, оно не имѣть права.

Дѣйствительно, подъ рабомъ Іеговы нужно здѣсь разумѣть идеальное, но конкретное лицо посланника Божія. Что здѣсь подъ рабомъ Іеговы нужно разумѣть не собирательное, а конкретное лицо,— для этого можно указать слѣдующія основанія. Во 1-хъ это видно изъ самой формы изложенія пророчества. Здѣсь не только субъектъ, но и предикаты стоятъ въ числѣ единственномъ; тогда какъ по обычаямъ священныхъ писателей тамъ, гдѣ идетъ рѣчь о пѣломъ обществѣ подъ именемъ отдѣльного лица, гдѣ священные писатели пользуются такъ называемымъ единственнымъ собирательнымъ, тамъ всегда формы единственного числа перемѣщиваются съ формами множественнаго. Такой характеръ имѣеть рѣчь самого

Исаи, когда онъ говоритъ о народѣ израильскомъ подъ именемъ раба Господня. Между тѣмъ въ настоящемъ пророчествѣ ничего подобнаго нѣтъ. ^{въ} очевидно число единственное. Во 2-хъ въ этой проповѣди рабъ Іеговы называется *мужемъ* болѣзней — *פָּנָן בְּשִׁבְעָה שֵׁנַי* — выраженіе, которое никогда не относится къ цѣлому обществу, но всегда къ отдельному лицу (ср. Ис. VI, 5; XIV, 6; XLVI, 11). Въ 3-хъ рабу Господню приписываются дѣйствія и состоянія въ такихъ выраженіяхъ, въ которыхъ естественное относить ихъ къ отдельному лицу; напр. когда душа его приноситъ себѣ въ жертву вины, онъ увидѣть потомство; приписываются ему смерть и погребеніе. Правда, и общество израилево иногда представляется у пророковъ подъ видомъ мертвцевъ, которые оживаютъ (Ис. XXVI, 19; Іезек. XXXVII); но нигдѣ мы не найдемъ столь рельефной и пластичной картины, которая изображала бы политическую смерть общества, какъ смерть и погребеніе отдельного живаго лица.

Одной изъ причинъ, почему некоторые не хотятъ видѣть у Исаи въ рабѣ Іеговы Мессію, служить та ошибочная мысль, что будто бы въ Ветхомъ Завѣтѣ Мессія изображается только какъ блестящій царь и что представлѣніе о немъ, какъ о рабѣ, чуждо ветхозавѣтному воззрѣнію ¹⁾). Но на самомъ дѣлѣ изъ того уже, что въ Ветхомъ Завѣтѣ Мессія представляется какъ царь, слѣдуетъ, что пророки могли изображать Его вмѣсть и какъ раба. Извѣстно, что по теократическому воззрѣнію ветхаго завѣта царь Израїля есть Іегова, а видимый, земной царь есть только Его посредникъ, выразитель Его воли въ народѣ. Въ этомъ отношеніи еврейскій царь такой же рабъ Іеговы, какъ священникъ и пророкъ. Поэтому пророки, изображая Мессію царемъ, вмѣсть съ тѣмъ и даже тѣмъ самимъ изображаютъ Его и какъ раба Іеговы. Книга пророка Захарія съ совершенною ясностію подтверждаетъ эту, теоретически выведенную нами, мысль. Захарія въ VI-й гл. своей книги говорить: вотъ мужъ, — имя Ему *отрасль*, Онъ произрастетъ изъ Сво-

¹⁾ Philologisch-kritisch, u. historisch. Commentar u. Jesaja, von Gesenius, 2-ter B. S. 163.

его корня. Онъ пріпметъ славу и возсядетъ, и будеть владыкою на престолѣ Своемъ; будетъ и священникомъ на престолѣ Своемъ и совѣтъ мира будеть между тѣмъ я другимъ (12—13). Въ приведенномъ мѣстѣ пророкъ изображаетъ Мессію, какъ царя и священника; а иѣсколько ранѣе того же Мессію онъ называетъ Рабомъ Іеговы: вотъ И привожу раба Моего, отрасль (III, 8). Если же пророкъ Захарія представлялъ Мессію, какъ раба Іеговы, то почему же ранѣе не могъ изображать Его такимъ же образомъ Исаія? И дѣйствительно, безъ предзанятой мысли и при безпри-страстномъ отношеніи къ дѣлу, а особенно при предположеніи, что обѣ части книги Исаіи принадлежать одному и тому же автору, можно съ достаточнou ясностю видѣть, что Исаія и въ разсматриваемомъ пророчествѣ подъ рабомъ Іеговы разумѣеть Мессію. Во 2-мъ ст. LIII гл. читаемъ: Рабъ Іеговы взошелъ предъ Нимъ, какъ отпрыскъ и какъ ростокъ изъ сухой земли. Въ XI гл. Исаія о Мессіи пророчествуетъ: и произойдетъ отрасль отъ корня Іесеева и вѣтвь произрастетъ отъ корня его. Представленное изображеніе происхожденія потомка Іесеева въ XI главѣ и раба Іеговы въ LIII гл. настолько сходно, что читатель непредубѣжденный въ томъ и другомъ мѣстѣ склоненъ видѣть одно и тоже лицо. А иѣ-которое различіе въ изображеніи удовлетворительно изъясняется цѣлью, съ которой изображаетъ пророкъ происхожденіе Мессіи въ томъ и другомъ случаѣ. Въ первомъ случаѣ пророкъ хочетъ представить Мессію, какъ раба страждущаго за грѣхи народа, а по-тому здѣсь и самая мысль о царскомъ происхожденіи Мессіи при-нимаетъ у него особый тонъ: и въ описаніи царскаго происхож-денія Мессіи просвѣчиваетъ мысль обѣ Его уничиженій. При всемъ томъ черта, которую Исаія характеризуетъ Раба Господня въ LIII, 2, весьма знаменательна. Ясно, что отпрыскъ и ростокъ отъ корня понятія совершенно тождественныя съ понятіемъ „отрасль“. А между тѣмъ это послѣднее слово весьма характерно. Насколько намъ извѣстно, оно пять разъ употребляется въ книгахъ пророческихъ, какъ имя Мессіи: разъ у Исаіи (XI, 1), два раза у Йеремія (XXIII, 5; XXXIII, 15) и два раза у Захарія (III, 8; VI, 18). Итакъ уже одно название Раба Господня отпрыскомъ отъ корня не даетъ

ли основавія видѣть въ Рабѣ Господнемъ ЛІІІ гл. Мессію? Но мы будемъ еще болѣе склонны видѣть въ изображаемомъ Исаію Рабѣ Іеговы Мессію, если примемъ во вниманіе слѣдующія соображенія. Въ XI гл. Исаія о Мессіи говоритъ, что на Немъ почтеть Духъ Господень; а въ XLII гл. Іегова говоритъ о Своемъ Рабѣ: Я возложилъ на Него Духъ Мой. Въ XI гл. Мессія изображается какъ царь мира и правды, и въ XLII гл. Рабу Іеговы приписываютя тѣ же качества. Предполагая, что Рабъ Іеговы XI гл. и LIII гл. есть одно и тоже лицо — а допустить это долженъ всякий беспристрастный изслѣдователь — мы видимъ, что Мессія, отрасль Іессея и Рабъ Іеговы LIII главы характеризуются одниими и тѣми же чертами, — что естественно убазываетъ на единство лица въ томъ и другомъ случаѣ.

Но мы надѣемся доказать еще болѣе, и именно ту мысль, что послѣдовательное и всестороннее раскрытие идеи Мессіи требовало, чтобы пророки изображали Его не только рабомъ Іеговы, но и страждущимъ за грѣхи народа рабомъ Іеговы. Для доказательства этой мысли возьмемъ за исходный пунктъ нашихъ разсужденій самое твердое въ смыслѣ достовѣрности положеніе: Мессія — царь Израїля. Царство Мессія изображается у пророковъ, какъ царство полнаго боговѣденія (Ис. II, 3; XI, 9; Іер. XXXI, 34; Мих. IV, 2), какъ царство добра, правды и мира настолько совершенного, что въ мессіанскомъ царствѣ не только люди, но и животные будутъ жить между собою въ полномъ согласіи, — царство, въ которомъ злу совсѣмъ не будетъ мѣста (Ис. XI, 6—9; LXV, 25). Какъ же совершится это коренное нравственное преобразованіе народа? Можетъ быть, такое благодѣтельное вліяніе на іудеевъ окажетъ плѣнь? Можетъ быть, подъ вліяніемъ испытаній плѣща они сами собою настолько измѣнятся къ лучшему? Нѣтъ, пророки этого не говорятъ; они говорять только, что такое нравственное состояніе Израїля будетъ *послѣ цлѣна*, но *не по причинѣ плѣща*. Даже болѣе. Пророкъ Іезекіиль прямо утверждаетъ, что ко времени освобожденія іудеевъ изъ цлѣна они останутся въ прежнемъ нравственномъ положеніи, — что и оправдалось исторически. „Не ради васъ Я действую, домъ израилевъ, но ради святаго имени Моего“

(Иезек. XXXVI, 22), говорить Господь. Итакъ вотъ вопросъ: когда же именно послѣ пѣна и какимъ образомъ произойдетъ это коренное нравственное измѣненіе Израиля? Отвѣтъ на этотъ вопросъ, мы должны сказать, что Мессія не получитъ царство готовымъ, т. е. въ томъ идеально совершенномъ видѣ, въ которомъ изображается оно у пророковъ. Онь самъ долженъ устроить Себѣ Свое царство. Это слѣдуетъ во 1-хъ изъ тѣхъ мѣстъ Ветхаго Завѣта, гдѣ Мессіи приписываются свойства, существенно необходимыя для того, чтобы произвестъ нравственное измѣненіе въ народѣ. Мессія характеризуется, какъ царь праведный, спасающій и кроткій (Зах. IX, 9), какъ отрасль праведная (Іер. XXIII, 5; XXXIII, 15), какъ Лице, для которого правда будетъ препоясаніемъ чресть Его и истина препоясаніемъ бедръ Его (Ис. XI, 5), Лице, исполненное духа премудрости и разума, духа совѣта и крѣпости, духа вѣдѣнія и благочестія и страха Господня (Ис. XI, 2—3). Во 2-хъ пророки прямо утверждаютъ, что будучи таковыми Лицемъ, Мессія самъ и устроитъ Себѣ царство. Это слѣдуетъ изъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ пророки говорятъ, что Іуда спасется именно во дни Мессіи (Іер. XXIII, 6; XXXIII, 16) и что онъ достигнетъ совершенного нравственного порядка въ своемъ царствѣ путемъ строгаго и беспристрастнаго суда надъ народомъ (Ис. XI, 3—9; Іер. XXIII, 5—6; XXXIII, 15—16; Мал. III, 2—3). Однако же было бы несправедливо думать, будто Мессія возведетъ Свое царство въ такую высоту нравственного совершенства исключительно чрезъ Свою, если позволительно такъ выразиться, геніальную административную дѣятельность. Это была бы односторонняя и должна точка зрѣнія на Мессію, которая привела іудеевъ къ ложному пониманію Его. Путемъ административной дѣятельности можно достигнуть только вѣнчаго благоустройства общества, но не коренаго нравственного измѣненія въ характерѣ народа, измѣненія самого сердца его. Но дѣятельность Мессія представляется у пророковъ именно какъ производящая коренное измѣненіе въ самомъ внутреннемъ существѣ народа (Мал. III, 2—3). Мессія приведетъ народъ не къ вѣнченному только благоустройству, но именно къ святости, какъ внутреннему состоянію. Но то лицо, которое въ Ветхомъ

Завѣтъ имѣло цѣлью своего служенія вести народъ къ освященію, называлось священникомъ. Итакъ второй моментъ въ раскрытии идеи Мессіи это тѣтъ, что Мессія въ своемъ царствѣ по отношенію къ своему народу долженъ быть священникомъ. И дѣйствительно, такъ и изображаютъ Его пророки (Іс. СІХ, 4; Зах. VI, 13¹). Но какъ же Мессія, какъ священникъ, долженъ привести народъ къ святости? Обычный способъ освященія народа чрезъ священника состоялъ въ томъ, что священникъ въ удовлетвореніе Іеговѣ за грѣхи народа приносилъ въ жертву животное (ср. Евр. IX, 7). Слѣдовательно и Мессія, какъ священникъ, долженъ былъ принести жертву Іеговѣ въ удовлетвореніе за грѣхи народа. Но какую жертву? Ветхозавѣтные священники приносили въ жертву животное; но такое удовлетвореніе не было дѣйствительнымъ, не привлекало къ народу всѣхъ милостей Іеговы; напротивъ жертвы стали уже мерзостью въ глазахъ Іеговы—Опь пресытился ими (Іс. I, 11—14). Конечно ближайшая причина этого заключалась въ томъ, что народъ небрежно, безъ покаянія и исправленія своей жизни приносилъ ихъ; но была и другая, хотя болѣе отдаленная, но за то болѣе существенная причина, почему жертвы не могли быть вполнѣ угодны Богу. Они приносились Богу въ удовлетвореніе за грѣхъ, который, по закону божественной правды, долженъ быть наказанъ смертью, и конечно грѣшника. А по какому праву вместо смерти грѣшника предлагалась Іеговѣ смерть неразумного и невинного животного? Итакъ Мессія, какъ священникъ, выходящій изъ ряда обычныхъ іудейскихъ священниковъ, долженъ былъ пайти иной способъ удовлетворенія. Опь самъ долженъ былъ ходатайственно понести страданія и смерть, какъ наказаніе, служащее ко спасенію народа (Іс. LIII, 5). Правда и здѣсь не самъ народъ приносить удовлетвореніе Іеговѣ, а Мессія; но это все же естественно: не животное за человѣка, а человѣкъ за человѣка.

Такимъ образомъ ходатайственное удовлетвореніе за грѣхи народа, приносимое Мессіей Іеговѣ — вотъ способъ къ привлечению

¹) Въ совокупности оба момента въ раскрытии идеи Мессіи изображаетъ Захарія VI, 13.

на народъ тѣхъ чрезвычайныхъ милостей, которыхъ изолются на него въ мессианскомъ царствѣ, и мысль о ходатайственномъ удовлетвореніи Мессію за грѣхи народа есть основная мысль пророчества. А идея ходатайственного удовлетворенія за грѣхи не только не чужда была ветхозавѣтному міровоззрѣнію, но въ высшей степени присуща ему: она проходитъ чрезъ весь Ветхій Завѣтъ. На ней основанъ былъ жертвенный кульпъ. Даѣе по ветхозавѣтному воззрѣнію вицъ отцевъ должна была переходить на дѣтей (Исх. XX, 5). Наказаніе преслѣдовало потомковъ, если оно не было ранѣе понесено (2 Цар. XXI, 1—14); за грѣхъ Давида поражено было язвою и смертью семьдесятъ тысячъ человѣкъ; грѣхъ его съ Вирсавіею былъ наказанъ смертью его сына (2 Цар. XII, 15—18). За то, что Аханъ взялъ изъ заклятаго, И. Навинъ долженъ былъ отдать въ возмездіе врагу цѣлое войско. Частяще по воззрѣнію нашего пророка грѣшникамъ вмѣщаются не только ихъ грѣхи, но и грѣхи ихъ отцевъ (Ис. LXV, 7; ср. XIII, 3; Дан. XI, 35).

Итакъ, если ветхозавѣтному міровоззрѣнію настолько присуща была идея нравственнаго вмѣнія, что за грѣхомъ неизбѣжно должно слѣдовать возмездіе, что это возмездіе должно быть понесено или самимъ грѣшникомъ или ходатайственно другимъ лицемъ, что это былъ непреложный законъ Божества, обойти который невозможно человѣку при переходѣ изъ состоянія грѣха въ состояніе святости; если съ другой стороны доставить Израилю освященіе долженъ былъ Мессія, — то ясно, что идея страждущаго Мессіи стоитъ на дѣйствительныхъ теократическихъ основахъ и составляетъ собою необходимый моментъ въ раскрытии полнаго понятія о Мессіи. А пророчество Исаи о страждущемъ для спасенія Израиля Рабѣ Іеговы и есть только изображеніе идеи ходатайственного удовлетворенія Мессію за грѣхи народа, какъ необходимаго условія для наступленія и существованія мессианскаго царства.

Мысль о страждущемъ Мессіи у Исаи не есть такимъ образомъ мысль случайная; она стоитъ въ тѣсной связи съ цѣлью пророческимъ представлениемъ о Мессіи и Его царствѣ и составляетъ въ этомъ представлении столь необходимый и существенный моментъ,

что безъ этого была бы необъяснима самая возможность наступленія мессіанскаго царства. Но этой причинѣ она и не есть только исключительная привадлежность пророческаго міровоззрѣнія Исаї; она была присуща въ большей или меньшей мѣрѣ и міровоззрѣнію другихъ пророковъ. Можно сказать даже болѣе: она присуща всему вѣтхозавѣтному міровоззрѣнію. Имѣя первый свой зародышъ въ первообразованіи о борьбѣ между сѣменемъ жены и сѣменемъ змія и о побѣдѣ первого вадъ послѣднимъ, она выражена далѣе въ пророчествѣ Іакова о примирителѣ; она проходитъ въ псалмахъ, гдѣ Мессія изображается вѣчнымъ священникомъ по чину Мелхи-седекову и подъ образомъ праведника-теократа, прерѣпнаго народомъ и терпящаго сильныя страданія и возвѣщающаго имя Іеговы всѣмъ братіямъ (Пс. СІХ, 21). У Исаї она нашла себѣ полное и точное выраженіе; но не смотря на это проповѣдь о страждущемъ Мессія Исаїей не окончена. Болѣе или менѣе ясные отблески отъ образа страждущаго Мессія, изображенаго у Исаї, мы находимъ и у другихъ пророковъ. Такъ у Даніила мы встрѣчаемъ знаменательныя слова: что истечениіи шестидесяти двухъ седмичъ умерщвленій будетъ Мессія и не ради Себя (Дан. IX, 26) ¹⁾). И Захарія пророчествуетъ: и возрятъ на Него, котораго пронзили и возвыдаютъ о Немъ, какъ рыдаютъ о единородномъ сынѣ (XII, 10). А въ другомъ мѣстѣ тотъ же пророкъ усматриваетъ въ этихъ страданіяхъ опредѣленіе Іеговы: о мечѣ! поднимись на пастыря Моего, на ближняго Моего (XIII, 7). Если же въ раскрытии идеи страждущаго Мессія въ Ветхомъ Завѣтѣ мы не видимъ той строгой постепенности, которая требуетъ, чтобы болѣе ясное представление предмета слѣдовало за менѣе яснымъ, то это показываетъ только то, что какъ возникновеніе, такъ и раскрытие этой идеи не есть

¹⁾ *И не ради себя — נִשְׁתַּחֲוָה.* Въ синод. перевѣдѣ: и не будеть. Но во 1-хъ такой переводѣ не даетъ никакой ясной мысли; во 2-хъ для словъ: «и не будеть» достаточно было бы *נִשְׁתַּחֲוָה*. Гораздо лучше принимать *נִשְׁתַּחֲוָה* за отрицаніе, а *לֹא*, какъ мѣстоименную форму съ *לֹא*. Тогда получится определенная мысль, которая найдетъ себѣ объясненіе въ I. III, 5 Исаїя. Поэтому намъ болѣе правильными кажется переводъ у А. Макзрія, Введ. въ прав. богосл. стр. 248 и ловдон. вѣнскій русскій перев. Бабіл.

дѣло естественной человѣческой логики и результатъ естественного развитія еврейского народа, по сверхъестественное откровеніе Божества.

§51 Итакъ въ пророчествѣ Исаї о страданіяхъ и прославленіи Раба Іеговы изображается страждущій за грѣхи людей Мессія и за свои страданія прославленный Іеговою. А это воззрѣніе на лицѣ Раба Іеговы проливаетъ на мѣсто яркій свѣтъ на частнѣйшее пониманіе пророчества, содержаніе котораго заключается въ слѣдующемъ.

Рабъ Господень будетъ благоуспѣшнъ въ дѣлѣ искупленія, возложенномъ на Него Іеговою и чрезъ благоуспѣшное исполненіе возложеннаго на Него порученія возвысится, вознесется и прославится. Но это благоуспѣшное выполненіе воли Іеговы стоило Мессіи столь тяжкихъ трудовъ, сопровождалось столь сильными страданіями и мученіями для Него, что многіе люди приходили въ ужасъ, смотря на Его страдальческій, измученный видъ. Но за то, когда поймутъ и узнаютъ истинную причину страданій Раба Господня и ихъ значеніе для людей, тогда не многіе только люди, но многіе народы будутъ благоговѣть предъ Нимъ и цари благоговѣйно почтутъ Его. Но не таково было первоначальное отношеніе ³² къ Нему общества, среди котораго Онъ жилъ и дѣйствовалъ и которое, не понимая величія и значенія дѣла Раба Господня, смотрѣло только на Его видимость. Но Онъ ничѣмъ видимъ не могъ обратить на Себя вниманія, какъ на лицѣ чрезвычайное и божественное посланника. Его происхожденіе изъ царскаго рода не было замѣчено и известно обществу; Его наружность не представляла собою ничего поражающаго. Итакъ первоначально Мессія не былъ никакъ замѣченъ. А когда Онъ выступилъ, какъ дѣятель среди общества, Онъ былъ презрѣнъ и отвергнутъ людьми; Ему причиняли страданія; Онъ былъ предметомъ отвращенія. Но причиняя страданія Рабу Господню, Израиль думалъ, что Рабъ Господень терпитъ заслуженное Имъ самимъ наказаніе, что страданія, которыя Онъ терпѣлъ, были наказаніемъ за Его собственные грѣхи. Только послѣ Израиль понялъ свою ошибку. Онъ узналъ, что Мессія принялъ на Себя его болѣзни и сбременилъ Себя его страданіями; онъ

увѣровалъ, что Мессія бытъ израненъ за его грѣхи и измученъ за его беззаконія. На Мессію легло наказаніе, служащее для спасенія Израїля и чрезъ Его страданіе Израїль спасенъ. А причина, по которой Мессіи нужно было страдать за народъ, заключалась въ слѣдующемъ. Всѣ уклонились отъ пути божественного закона; каждый пошелъ по различнымъ путамъ порока и тѣмъ заслужилъ божественный гнѣвъ и наказаніе. И это наказаніе Иеговѣ угодно было возложить на Своего Раба, а Его Рабъ терпѣливо и покорно переносилъ возложенія на Него страданія и перенесъ ихъ до конца, терпѣль дотолѣ, пока смерть прекратила ихъ. И такъ Рабъ Иеговы умеръ. Можно бы подумать послѣ этого, что Онъ обыкновенный смертный человѣкъ. Но кто знаетъ и можетъ сказать, откуда Онъ ведеть Свой родъ, кто знаетъ Его божественное происхожденіе?.... Злодѣйскіе замыслы Его убить не оканчивались на Его смерти: убѣди хотѣли предать Его имя вѣчному позору, похоронивъ Его между злодѣями. Но на это не было божественной воли. Его смертью должно было кончиться Его униженіе и Его страданіе. Далѣе слѣдуетъ Его прославленіе Иеговою, которое началось тѣмъ, что воцреки намѣренію убѣйцъ, по волѣ Иеговы, Рабу Господню приготовленъ бытъ гробъ у богатаго. Иегова не могъ допустить, чтобы Его Рабъ бытъ погребенъ въ позорномъ мѣстѣ, потому что Онъ не дѣлать неправды и не было обмана во устахъ Его. Но это бытъ особенный совѣтъ и особенное намѣреніе Иеговы—предать Его мученію. Этотъ совѣтъ Иеговы состоялъ въ томъ, чтобы Его Рабъ чрезъ принесеніе Своей души въ жертву вины пріобрѣсть себѣ потомство, имѣющее жить Его духомъ,—потомство, среди котораго вѣчно будетъ жить самъ Рабъ Господень и которое при Его помощи благоуспѣшно будетъ совершать волю Господню. Это потомство будетъ составлять награду для Мессіи за Его страданія, за которыхъ Онъ найдетъ Себѣ полное удовлетвореніе. Рѣчь пророка заканчивается свидѣтельствомъ самого Иеговы о Своемъ Рабѣ и о значеніи Его дѣла на всѣ времена. Иегова свидѣтельствуетъ, что Его Рабъ Свою премудростію найдетъ средство оправдать не одного только Израїля и понесетъ на Себѣ не его только грѣхи; но Онъ

понесетъ на Себѣ грѣхи и многихъ другихъ. Посему Его владычество не будетъ ограничиваться однимъ только Израилемъ; но оно подобно будетъ владычеству тѣхъ великихъ и сильныхъ земли, которые основывали обширныя и могущественные государства. Это обширное царство Мессии (вселенская церковь) будетъ наградою за Его добровольное унижение и страданіе, чрезъ которое Онъ понесъ грѣхи многихъ и за преступниковъ сдѣлался ходатаемъ.

Оправдаемъ теперь это содержаніе подробнымъ истолкованіемъ разматриваемаго отрывка.

§ 6 LII, 13. *Се уразумъетъ Отрокъ Мой и вознесется и прославится зло.*

Какъ свою пророческую проповѣдь о лицѣ Мессии (XLII, 1), такъ и проповѣдь о Его дѣлѣ пророкъ начинаетъ своимъ любимымъ **„Гָּמְп — вотъ.“** Начавши такъ свою рѣчь, пророкъ въ этомъ стихѣ излагаетъ тему, основную мысль своего пророчества: прославленіе Раба Господня, какъ слѣдствіе Его дѣятельности. Хотя пророкъ главнымъ образомъ занимается описаніемъ страданій Раба Господня, но эти страданія занимаютъ Его мысль не сами по себѣ, но какъ путь къ прославленію Раба Іеговы. Этотъ путь пророкъ изображаетъ въ первой половинѣ стиха общимъ выражениемъ — **לִּיְשָׁפֵן — будетъ благоуспешенъ.** Прямое значеніе евр. слова — быть благоразумнымъ, оказывать благоразуміе, дѣйствовать благоразумно; отсюда у LXX — **συνήσει:** — будетъ благоразуменъ, слав. уразумѣть. Но такъ какъ, по общему правилу, благоразумная дѣятельность сопровождается хорошими результатами, то **לִּיְשָׁפֵן** употребляется въ значеніи дѣйствовать благоуспешно (Ср. I. Нав. I, 8; Іер. X, 21). Поэтому **לִּיְשָׁפֵן** всегда обозначаетъ только такую благоуспешность, которая есть результатъ самостоятельного и сознательного преисполненія сознательно поставленной себѣ цѣли. Тамъ же, где благоуспешность зависитъ не отъ самого дѣйствующаго лица, но отъ причины сторонней, — понятие благоуспешности выражается словомъ **חַצְלִית** (напр. Ис. XLVIII, 15 о Кирѣ). Представление о такой дѣятельности дѣластъ для насъ понятною мыслью о томъ, что слѣдствіемъ ея будетъ возвышение и прославленіе Раба Іеговы. | Это прославленіе пророкъ изо-

бражаетъ словами: מִתְּנַשֵּׂא תָּמִיד וְעַל־תְּנַשֵּׂא. Хотя всѣ три глагола даютъ общее понятіе о высотѣ, но, ближе всмотрѣвшись въ ихъ значеніе, нельзя не видѣть существенной разницы между ними. מִתְּנַשֵּׂא означаетъ не просто быть высокимъ, но подниматься надъ уровнемъ чего-либо, возвышаться (Пр. XI, 11); слѣд. этимъ словомъ дается понятіе о началѣ возвышенія. עַל־такъ въ формѣ иуд. значить вставать, дѣлаться замѣтнымъ, славнымъ; слѣд. это слово обозначаетъ достиженіе извѣстной высоты, извѣстной славы; тогда какъ תְּנַשֵּׂא означаетъ просто стояніе на высотѣ безъ всякаго побочнаго представленія о стремлѣніи дальше возвышаться. Это послѣдняя степень, апогей высоты—твердое и высшее величіе, которое есть слѣдствіе предшествующей, ведущей на высшую и высшую степень величія, дѣятельности, по которое не требуетъ уже для себя никакихъ дальнѣйшихъ усилий. Такимъ образомъ эти три глагола обозначаютъ три момента возвышенія, начало, средину и конецъ или апогей высоты и славы Раба Господня. Въ новомъ завѣтѣ эти три послѣдовательные момента возвышенія осуществились въ трехъ событияхъ жизни Христовой—въ Его воскресеніи, вознесеніи на небо и сѣденіи одесную Бога, каковыя три момента возвышенія Христа были слѣдствіемъ благоуспѣшного исполненія Имъ возложеннаго на Него Богомъ дѣла искушенія. Ср. Фил. II, 6—11. И знаменательно то, что послѣднюю ступень возвышенія Христа апостоль обозначаетъ тѣмъ же выраженіемъ, какимъ и пророкъ. Пророкъ говорить о послѣднемъ моментѣ прославленія Раба Господня: עַל־תְּנַשֵּׂא и ап. Павелъ: ὑπερέφωσε (Фил. II, 9). . Высказавши въ 13 ст. основную мысль своей проповѣди, пророкъ въ ст. 14—15 частнѣе раскрываетъ ее. Въ ст. 14 онъ поясняетъ первую половину 13 ст.; въ ст. 15 вторую. Рабъ Іеговы благоуспѣшно достигнетъ пред назначенной Ему цѣли; но какими ужасными страданіями будетъ сопровождаться этотъ неуклонный путь къ цѣли? Лицъ Его пророку представляется столь обезображеніемъ, какъ ни у кого изъ людей; весь виѣшнай видъ Его будетъ изображать состояніе высшаго и крайнаго страданія. Но этой степени уничиженія будетъ соответствовать и послѣдующая слава, видимымъ знакомъ которой будетъ то, что многіе народы

будутъ удивляться величію Раба Господня и цари будутъ безмощствовать предъ Нимъ.

Ст. 14—15. Якоже ужаснутся о Тебѣ мнози, тако обезславятся отъ честивъ синь твой и слава твоя отъ сыновъ человеческихъ. Тако удивятся языци мнози о Немъ, и заградятъ царіе усти своя: яко имже не возьмутся о Немъ, узрятъ, и иже не слышаша, уразумъютъ.

Прежде всего установимъ правильную конструкцію текста. Начальное **נְשׁוּן** очевидно соответствуетъ не ближайшему **נָשׁ**, потому что между этими мыслями нѣтъ никакого противоположенія, но **נָשׁ** ст. 15, мысль же ст. 14, начинающаяся **נָשׁ**, очевидно составляетъ вводное предложеніе, какъ это призываютъ почти всѣ переводчики и комментаторы Исаіи. Насколько велико будетъ первоначальное униженіе Раба Іеговы, настолько велика будетъ и последующая Его слава—такова мысль пророка въ ст. 14—15. Эта картина первоначального униженія Раба Іеговы настолько ясна для пророческаго взора Исаіи, что страждущій Мессія стоитъ какъ бы предъ самыми глазами пророка и пророкъ обращается съ своими словами непосредственно къ Нему — какъ многіе ужасались, смотря на Тебя! По этой причинѣ онъ перемѣняетъ здѣсь З лицо на 2. Но эта перемѣна подала поводъ иѣкоторымъ толкователямъ — **שְׁתִירַתְּ**, Гаву, Озеру и др. разумѣть въ приведенныхъ словахъ пророка не Раба Іеговы, а другое лицо — народъ израильскій. Но измѣненіе З лица на 2 у нашего пророка отнюдь не можетъ свидѣтельствовать о перемѣнѣ предмета рѣчи, потому что довольно обычно у Исаіи говорить объ одномъ и томъ же предметѣ и въ рѣчи о немъ понеремѣнно и безразлично употреблять то 2, то З лицо (ср. I, 29; XLII, 20). Кромѣ того разумѣть здѣсь предметомъ рѣчи народъ израильскій не позволяетъ и то обстоятельство, что пророкъ во всей своей настоящей проповѣди отнюдь не имѣеть цѣли изображать понятие народа, но онъ изображаетъ въ ней только отношеніе Израїля къ Рабу Господню, и гдѣ въ этой рѣчи онъ говоритъ о народѣ израильскомъ, тамъ употребляетъ „мы“ для обозначенія народа (ср. LIII, 1—6).

Какъ многіе изумлялись, смотря на Тебя. **Изумлялись יְמֻטָּשׁ** — Христ. Член. № 11—12, 18:1 г.

обозначаетъ изумленіе, соединенное съ отвращеніемъ, изумленіе, порождаемое въ насъ видомъ человѣка, дошедшаго до крайней степени безславія и низкаго нравственнаго состоянія или предмета, совершенно утратившаго свой первоначальный видъ. Какого рода изумленіе обозначаетъ собою евр. слово **מֹשֶׁךְ**, это показываетъ напр. Иер. XVIII, 16, гдѣ Богъ говоритъ народу іудейскому, что послѣдній чрезъ свои грѣхи приведетъ свою землю въ такое жалкое состояніе, что каждый проходящій по ней изумится (**מֹשֶׁךְ**) и покачаетъ головой. Ср. XIX, 8. И въ данномъ случаѣ изумленіе произведено ничѣмъ инымъ, какъ крайне обезображеніемъ лицемъ и всѣмъ видимъ видомъ Раба Господня. Это обезображеніе не есть естественное безобразіе лица, какъ замѣчаетъ Иеронимъ¹⁾, но обезображеніе, произведенное внутренними и вѣшними страданіями Мессіи, которые начались съ Его рожденія и достали своего высшаго состоянія на Голгоѳѣ. Ликъ Его былъ обезображенъ паче всякаго человѣка и видъ Его паче сыновъ человѣческихъ, говорить пророкъ. Какъ весь видимый видъ Его представлялъ собою униженное, страдальческое состояніе человѣка, такъ въ особенности Его лице, которое наиболѣе всего способно отображать внутреннее человѣческое состояніе, выражало крайнее страданіе, было такого рода, какъ ни у кого изъ людей, — слѣдствіе выпечеловѣческихъ страданій. Это описание пророка весьма сильно напоминаетъ намъ Голгоу, откуда многіе возвращались покивая главами своими и бѣл себя въ перси.

Но насколько Мессія будетъ возбуждать ужасъ, отвращеніе и сожалѣніе, настолько же впослѣдствіи Онъ будетъ служить предметомъ радости и благоговѣйнаго, сильнаго и неожиданнаго удивленія не только для отдѣльныхъ людей, но для цѣлыхъ народовъ и ихъ парей. Въ ст. 15 наибольшую трудность для пониманія представляетъ первая мысль. LXX перевели ее: **Φαυράζονται ἕδυη τολλὰ ἐπ' αὐτῷ** — удивляются языцы мнози о Немъ. Но вульгата вмѣсто **Φαυράζονται** переводить: **adsparget — окропитъ** многіе народы. Этому переводу слѣдуетъ лютерова Библія и многіе ком-

¹⁾ В. Нег. пумі, т. IV, р. 612.

ментаторы въ особенности прежняго времеи — Витрина, Гант, Генстенбергъ и др. Евр. **נִזְבֵּחַ** дѣйствительно значить кропить и употребляется о кроцленіи кровью въ день очищенія на крышку кивота завѣта и алтарь юдильный; далѣе это слово въ томъ же значеніи употребляется о кропленіи водою на прокаженныхъ (Лев. XIV, 17) и о кропленіи водою съ пепломъ отъ красной коровы на нечистыхъ отъ проказования къ трупу. Кроцленіе въ ветхомъ завѣтѣ обозначало собою дѣйствіе умилостивленія и освященія. Поэтому въ данномъ мѣстѣ слова: онъ окронитъ многіе народы — будуть имѣть значеніе: онъ умилостивить Бога за многіе народы и очистить ихъ, подобно тому какъ очищала (въ духовномъ смыслѣ) прокаженныхъ та вода, которою ихъ кропили и черезъ то давала имъ право, какъ чистымъ, жить среди общества Іеговы и подобно тому, какъ примиряла народъ съ Іеговою та кровь, которою первосвященникъ кропилъ крышку кивота завѣта. Подобно этому и народы, которыхъ кроцленіемъ Своей крови очиститъ Мессія и примирить ихъ съ Іеговою, сдѣлаются чистыми и войдутъ въ общество Божіе; не будетъ слѣдовательно болѣе раздѣленія между Израилемъ и язычниками, о которомъ ранѣе говорилъ пророкъ, но всѣ они составятъ одно общество Божіе — церковь. Такое пониманіе соотвѣтствуетъ и мысли ст. 14 и въ связи съ нимъ даетъ богатое мыслю противоположеніе: тотъ, кто въ глазахъ людей былъ какъ прокаженный, не имѣющій человѣческаго вида, на самомъ дѣлѣ не только былъ самъ чистъ, но этимъ путемъ уніженія и страданія очистилъ многіе народы. Это пониманіе гармонируетъ чаконецъ съ мыслю ЛП, 3—5. При всемъ томъ переводъ евр. слова **נִזְבֵּחַ** — окропить не вѣренъ. Вездѣ, гдѣ оно значитъ: окропилъ, оно требуетъ послѣ себя вин. лица или вещи съ предлогомъ **לְ** (Лев. VI, 20; VIII, 11, 30 и др.), **לָ** (Лев. XIV, 51; Числ. XIX, 4; 4 Цар. IX, 33) и **נוּ** (Лев. IV, 6 и 17). Но въ данномъ случаѣ вин. лица **נוּצְבֵּת** стоить безъ предлога. Если же бы **נִזְבֵּחַ** значило здѣсь: окропить, то нужно бы читать: **נוּצְבֵּת לְ**. Какъ же понимать значеніе **נִזְבֵּחַ**? LXX перевели это **δαυράσσονται**; но и такой переводъ не вполнѣ соотвѣтствуетъ значенію евр. слова. Поэтому некоторые

полагаютъ что LXX вместо **לִשְׁעָה** считали **לִשְׁעֵה** — слово нѣсколько разнѣющееся по начертанію, но созвучное въ произношеніи. Но все-го вѣроятѣѣ, что LXX темнымъ показалось значеніе въ данномъ жестѣ слова **לִשְׁעָה** и они передали его неточный, приблизительный смыслъ. А первоначальное его значеніе — прыгать, вскаивать, вздрогнуть; *иѣф.* имѣть причинное значеніе — заставить вскочить и т. п. Вскакивание есть виѣшнее дѣйствіе, которому изъ извѣстныхъ случаевъ соотвѣтствуетъ внутреннее состояніе сильного и неожиданного страха, радости, — дѣйствіе, которое вызывается внезапною, неожиданною и поражающею мыслью. Въ данномъ случаѣ это внѣшнее дѣйствіе можетъ обозначать собою чувство изумленія или радости, такъ что слова: Одѣ заставитъ вскочить многіе народы — нужно понимать: Онъ приведетъ въ изумленіе многіе народы или: Онъ сдѣлается предметомъ радости для многахъ народовъ (онъ привлечетъ къ себѣ многіе народы; — лондон. и вѣнскій русскій переводъ Бібліи).

• Предъ Нимъ цари закроютъ свои уста.

Мысль синонимическая первой и усиливающая ее. Онѣменіе при полученіи какого-либо извѣстія есть слѣдствіе чувства на высшей его степени, на степени аффекта, когда человѣкъ настолько поражается извѣстнымъ событиемъ или извѣстіемъ, что этимъ чувствомъ изумленія на высшей его степени мгновенно порывается теченіе представлений въ умѣ человѣка, вслѣдствіе чего послѣдній совершиенно неспособенъ бывать выскажать какое-либо сужденіе объ этомъ событии, не можетъ проронить объ немъ ни одного слова. Въ такое состояніе или въ подобное ему придуть многіе народы и ихъ цари. Что же приведетъ ихъ къ столь сильному изумленію? Опи увидятъ то, о чёмъ не было говорено имъ и узнаютъ то, чего не слыхали. Описанное здѣсь состояніе есть состояніе язычниковъ и языческихъ царей, когда имъ проповѣдано было ученіе о распятомъ Христѣ и совершенномъ Имъ дѣлѣ искушенія. Дѣйствительно, евангельская проповѣдь всюду производила сильное изумленіе, хотя послѣднее не у всѣхъ было одинакового свойства: у нѣкоторыхъ оно происходило изъ чувства радости и было высокимъ благоговѣйнымъ изумленіемъ; это у тѣхъ, для которыхъ

проповѣдь о Христѣ была Божіею силою и Божіею премудростію; а у другихъ изумленіе проис текало изъ чувства презрѣнія къ такому, по ихъ явленію, алегичному ученію—оно было для непризванныхъ іудеевъ соблазномъ, а для еллиновъ безуміемъ—не вѣрившили евангелію, ябо Исаія говоритъ: Господи! кто повѣрилъ слышанному отъ васъ и кому открылась мысль Господня (Римл. XV, 20—21)?

Ѣ въ III, 1. Господи! кто вѣрова слуху нашему и мысли Господни кому открылся?

Высказавши доселѣ въ общихъ чертахъ главную мысль своей проповѣди, пророкъ въ III главѣ раскрываетъ ее частности,ясає и подробиа. При этомъ онъ перемѣняетъ въ своей рѣчи и лицо, отъ имени которого проповѣдуется. До сихъ поръ Самъ Іегова говорилъ о Своемъ Рабѣ; а теперь, когда пророкъ приступаетъ къ подробному описанію уничиженія и страданій Раба Господня и ихъ значенія для народа, онъ заставляетъ говорить обѣ этомъ самихъ іудеевъ, причинившихъ Рабу Господню позоръ и страданія и потому раскаявшихся въ своемъ преступленіи и появившихъ, что Рабъ Господень страдалъ невинно за ихъ грѣхи и беззаконія.

Ѣ: Кто повѣрилъ наше и проповѣди?

Пророкъ говоритъ здѣсь отъ лица многихъ и подъ этими многими, какъ мы сей чась сказали, естественно—всего разумѣть іудеевъ, такъ какъ въ послѣдующихъ за настоящимъ стихахъ пророкъ несомнѣнно говоритъ отъ лица іудеевъ, и было бы неестественно предполагать, что пророкъ только для этого вопроса введетъ въ свою рѣчь новое говорящее лицо. Какахъ же іудеевъ разумѣть здѣсь пророкъ? По формѣ рѣчи стиха и по смыслу дальнѣйшихъ словъ здѣсь нужно разумѣть іудеевъ, раскаявшихся въ своемъ преступленіи (совершенному не ими самими непремѣнно, но также и въ лицѣ отновъ), следовательно жившихъ послѣ покорнившагося события, іудеевъ, которые сами поняли свою ошибку, глубоко скрушаются о ней и желали бы, чтобы и другіе поняли истинный смыслъ факта, хотя, къ сожалѣнію, не видятъ исполненія своего желанія—эту именно мысль выражаетъ вопросительная форма рѣчи. Пророкъ разумѣеть здѣсь такихъ лицъ изъ іудеевъ, какими были

иапр. ап. Павель, который спачала не усматривалъ божественаго величія въ пострадавшемъ Христѣ и думалъ, что Христосъ умеръ за Свои грѣхи, а потомъ жалѣлъ объ этомъ и желалъ, чтобы всѣ поняли смыслъ проновѣдуемаго имъ событія и съ Исаіею говорилъ: Господи! кто повѣрилъ слышаппому отъ наась (Рим. X, 16)?

1). Но не одно это мнѣніе существуетъ по вопросу о говорящемъ здѣсь лицѣ. Уже Іеронимъ и Кирилль Александрийскій думали, что здѣсь говоритъ *chorus prophetarum*¹⁾ или *άπας ὁ τῶν ἀγριων χρόος*²⁾, причемъ тотъ и другой понимали этотъ вопросъ, какъ жалобу пророковъ на невѣріе іудеевъ. Это же мнѣніе въ новое время поддерживалъ и Гезеніусъ. Но мы видѣли, что оно не можетъ быть принято.

2). Другіе думаютъ, что пророкъ говоритъ здѣсь отъ лица новозавѣтныхъ проповѣдниковъ евангелія—апостоловъ и всѣхъ вообще трудящихся на миссионерскомъ полѣ евангельской проповѣди. Изъ западныхъ комментаторовъ этого мнѣнія держались Кальвинъ, Витринга, Штиръ и др.³⁾. У наась, кажется, оно принято, какъ школьнное мнѣніе. Основаніе для этого мнѣнія повидимому заключается въ Новомъ Завѣтѣ. Именіо, евангелистъ Іоанъ указываетъ на ЛIII, 1, какъ на исполненіе пророчества Исаіи о томъ, что ивногіе іудеи не увѣрюютъ въ И. Христа, несмотря на то, что Онъ сотворить предъ ними столько чудесъ (Іоан. XII, 37—38), а ап. Павель, — какъ на пророчество о невѣріи язычниковъ въ апостолическую проповѣдь о Христѣ (Рим. X, 16). Но здѣсь нужно обратить вниманіе на слѣдующія обстоятельства: 1) св. Іоанъ даетъ этому мѣсту толкованіе, не благопріятствующее рассматриваемому мнѣнію. 2) Если ап. Павель и даетъ ЛIII, 1 смыслъ, согласный съ данными мнѣніемъ, то не нужно забывать, что новозавѣтные писатели часто приводятъ изъ Ветхаго Завѣта, какъ пророчество, слова, которые въ прямомъ и строгомъ смыслѣ не суть однакоже пророчество о данномъ событіи (ср. Мѳ. II, 15; Іоан.

¹⁾ Hieronumi operum, t. III, col. 333.

²⁾ Cyrilli Alexandr, t. II, p. 740.

³⁾ Jesaias, nicht pseudo-Jesaias, von Stier, S. 124. Vitringa, commentar. in Jesaiam. p. II, p. 660.

XII, 39—40; Рим. IX, 29). И действительно, если въ данномъ мѣстѣ нужно по точному смыслу опредѣлить лицо говорящее, то подъ этимъ лицемъ нельзя здѣсь разумѣть апостоловъ, потому что тѣ же лица, которыхъ въ ЛП, 1 говорятъ: кто повѣрилъ нашей проповѣди, даѣтъ призываются: мы думали, что Его наказываетъ Богъ и т. п.—мысли, которыхъ всего менѣе идутъ къ апостоламъ.

Наконѣцъ Гофманъ и некоторые другие подъ лицемъ здѣсь говорящими разумѣютъ язычниковъ¹⁾). Но въ ЛП, 15 обѣ язычникахъ сказано, что они сами уединять проповѣдь о Рабѣ Господнемъ отъ другихъ; во 2-хъ пророкъ ни раньше, ни позже этого мѣста отъ лица язычниковъ не говорилъ, и если бы онъ хотѣлъ сдѣлать это лишь въ данномъ случаѣ, то ему всего естественнѣе было бы прямо сказать, что здѣсь говорить имена язычники.

Итакъ пророкъ говорить здѣсь отъ лица іудеевъ, обратившихся ко Христу: кто повѣрилъ нашъ проповѣди? LXX понимала этотъ вопросъ въ смыслѣ воззванія къ Богу и потому для ясности въ началѣ вопроса прибавилъ: хорѣ! каковое воззваніе перешло и въ славянскій переводъ.

Нашей проповѣди—у LXX тѣ ахой ՚имѡ—слуху нашему. Дѣйствительно, евр. **נָאשָׁר** значить слухъ, молва (Ис. XXXVII, 7); но молва обыкновенно бываетъ распространеннымъ между многими людьми извѣстiemъ о какомъ-нибудь событии; поэтому евр. слово обозначаетъ еще проповѣдь, какъ гласное, напрѣнное оповѣщеніе о чёмъ-нибудь возможно большему числу людей (Ис. XXVIII, 9, 19).

И сила Господня кому известна? Во второмъ полустишии пророкъ ясно выражаетъ мысль первого полустишия. Тамъ онъ сказалъ, что съ трудомъ будуть вѣрить проповѣди о Рабѣ Господнемъ; а здѣсь обозначаетъ самое содержаніе проповѣди, на мѣсто содержащаго ставить содержаніе. Итакъ содержаніе проповѣди „сила Господня“. Что пророкъ разумѣетъ подъ силой Господней? **עַדְעָה** собственно значить рука, мышца; по такъ какъ мышца есть

¹⁾ Biblisch. Commentar a. d. Prophet Jesai, von Delitsch.

органъ для проявленія силы, то это слово обозначаетъ силу, мощь. По словоупотребленію Исаи мышца, рука, сила Геговы суть синонимическая понятія, употребляющіяся для обозначенія воли, совѣтъ и опредѣленій Геговы, будуть ли они касаться временныхъ судебъ народа Божія и другихъ народовъ, или высшаго, вѣчнаго нравственнаго назначенія народа быть святымъ (Ис. LI, 5 и 9—11; LII, 10). Изъ связи рѣчи видно, что здѣсь подъ силой Геговы нужно разумѣть волю и совѣтъ Его о способѣ искушенія Своего народа отъ грѣховъ чрезъ униженіе, позоръ и страданіе Своего Раба. Немногіе и съ трудомъ будутъ вѣрить проповѣди о Мессіи, какъ страждущемъ для искушенія людей Рабѣ; немногіе будутъ способны понять непостижимые совѣты Господа о нашемъ спасеніи— вотъ мысль, которую пророкъ влагаетъ въ уста іудеевъ, обратившихся ко Христу, и въ разъясненіе этой мысли онъ далѣе показываетъ, какое впечатлѣніе производилъ страждущій Мессія на самихъ этихъ іудеевъ.

Ст. 2. Возвѣстихомъ, яко отрона предъ нимъ, яко корень въ земли жаждущей; и есть вида Ему, ниже главы: и видѣхомъ Его, и не имаше вида, ни доброты.

Этими словами іудеи начинаютъ изъясненіе причинъ, по которымъ такъ многіе не увѣровали въ Мессію и по которымъ спачала не вѣровали въ Него они сами. Эти причины заключались въ Его земномъ происхожденіи изъ дома, который, правда, былъ прежде знаменитъ въ Израилѣ и знаменитъ настолько, что обѣ его прежней извѣстности всѣ хорошо знали и помнили. Но въ то время онъ представлялъ изъ себя лишь корень въ сухой землѣ, следовательно явленіе ни для кого не замѣтное и не обращающее на себя ни чьего вниманія. Изъ такого-то рода произошелъ Мессія. Не обративши ва Себя вниманія своимъ происхожденіемъ, Онъ не могъ явиться въ глазахъ народа Мессіей и по своему вицѣнemu виду, который не имѣлъ въ себѣ ничего вѣшнѣ-величественнаго. Рабъ Господень казался для народа самымъ простымъ, обыкновеннымъ галилеяниномъ. Поэтому-то іудеи и не признали Его за єбѣщаннаго Мессію. Онъ не сооствѣтствовалъ идеалу Мессія, составленному о Немъ массою подъ вліяніемъ ложнаго ученія

о Немъ, господствовавшаго въ то время. Мы видѣли уже обра-
зецъ этихъ раввинскихъ представлений о Мессии; да онъ и всѣмъ
уже извѣстенъ. Мессия, по господствовавшему воззрѣнію, долженъ
быть блестящій царемъ, повинъ Давидомъ и Соломономъ, толь-
ко въ гораздо болѣшихъ размѣрахъ, — царемъ, который долженъ
быть побѣдить римлянъ, свергнуть династію Ирода, восстановить
на престолѣ родъ Давидовъ, царствовать вѣчно и доставлять іудеямъ
господство надъ міромъ. Ясно, что, иже такія воззрѣнія
на Мессію, іудеи не могли признать Его въ смиренномъ Рабѣ
Господнемъ, который не преломитъ надломленной трости и не
угаситъ загорѣвшагося льва, вращавшагося среди простыхъ, бѣд-
ныхъ и больныхъ людей, друга мытарей и грѣшниковъ. Вотъ
мысль стиха 2-го, мысль эта проста и понятна; но текстъ его
представляетъ иѣзакория затрудненія для пониманія при сличеніи
его съ переведомъ LXX.

As Вознѣстихомъ, яко отрока предъ нимъ. Слову — *вознѣ-
стихомъ* — ἀνηγγειλάμεν въ подлинномъ текстѣ соотвѣтствуетъ
לְעֵד отъ לְעֵדъ восходить, подниматься, 3-я л. imperfectum и по-
тому собственно значить: *и онъ возошелъ*, или: *ибо онъ возошелъ*.
LXX очевидно вместо לְעֵד читали לְעֵדъ, каковыя формы очень
сходны по начертанію; этимъ объясняется у нихъ и 1-е лицо
множественного числа вместо 3-го единственного, и то обстоя-
тельство, что они оставили безъ перевода ¹. При такомъ чтеніи
имъ естественно темнѣмъ показался прямой смыслъ слова въ дап-
нечъ явствѣ, и они попали значеніе слова לְעֵדъ въ смыслъ пере-
носомъ. Такъ какъ поднимаются и у евреевъ въ то время, когда
хотятъ говорить что нибудь публично, напр. проповѣдывать въ
синагогѣ (Лук. IV, 16), то они слову подниматься въ данномъ
случаѣ и придали значеніе публично возвѣщать; отсюда и вышло:
ἀνηγγειλάμεν. Нельзя называть удачными и дальнѣйшихъ словъ ² съ
переводъ: *яко отрока* — ως παιδίον, хотя еврейское слово רַבָּע
имѣеть это значеніе. רבъ, происходя отъ רבъ сосать грудь, пи-
таться отъ другаго, собственно значить *сосунъ*, и по примѣненію
къ людямъ — *младенецъ* (ср. Ис. XI, 10); по въ отношеніи къ
царству растительному значитъ: *отпрыскъ, молодой побълъ, какъ*

питающейся сокомъ дерева. Въ послѣднемъ значеніи и нужно понимать здесь это слово по соотставленію съ послѣдующими словами: *и какъ ростокъ изъ сухой земли.* И онъ взошелъ предъ нимъ, какъ молодой побѣгъ. Предъ кѣмъ—предъ нимъ? Михаелъ думаетъ, что предъ народомъ іудейскимъ—„согам illo rorculo superbo et incredulo“¹⁾.

Но какъ какъ іудеи здесь представляютъ лицо говорящее и обозначаются въ 1-мъ стихѣ мѣстоименіемъ: мы, то, еслибы и здесь и тамъ разумѣть іудеевъ же, естественнѣе было бы ожидать въ подлинномъ текстѣ словъ: **נָאכְרָת**—предъ нами. Очевидно, что здесь нужно разумѣть лицо, упоминавшееся въ послѣднемъ полустишии 1-го стиха—Іегову. Онъ взошелъ предъ лицемъ Іеговы. Взойти предъ лицемъ когонибудь значить, по употребленію въ еврейской рѣчи, взойти при чьемъ либо содѣйствіи (Пов. VIII, 16). Поэтому слова: Онъ взошелъ предъ лицемъ Іеговы, значать: Онъ взошелъ по непосредственному хотѣнію и волѣ Бога, какъ отпрыскъ возникаетъ отъ дерева. *И яко корень изъ земли жаждущей.* Корень—**שָׁנָה**; еврейское слово обозначаетъ не только корень, но и то, что происходит отъ корня—ростокъ; послѣдній переводъ будетъ выразительнѣе. Це точный переводъ составляютъ слова: *en τῇ δοφώσῃ, πρὸς ψῆκτον*—собственно значить—изъ земли жаждущей. Онъ взошелъ предъ лицемъ Іеговы какъ отпрыскъ и какъ ростокъ отъ корня, находящагося въ сухой землѣ. Блаженный Іеронимъ въ изѣясненіе этихъ словъ пишетъ: Акила виѣсто „изъ сухой“ земли перевель: изъ „непроходной“, для того, чтобы яснѣе указать на человѣка, который произошелъ изъ чрева Дѣви; и что Онъ (Христосъ) созданъ безъ всякаго человѣческаго сѣменіи изъ земли прежде пешеходной (Hiего-пумі орерутъ т. Ш. col. 383). И это не было единичное мнѣніе Іеронима; въ прежнее время оно было принято большинствомъ (*Vitrina Commentar. in Jesaiam*, р. II, р. 663). Но Витрина справедливо замѣтилъ противъ этого мнѣнія, что оно не соответствуетъ смыслу рѣчи; потому что здесь рѣчь идетъ объ

¹⁾ Jesaias, von Stier, S. 432.

уничоженномъ состояніи Мессії; „Sed nativitas Christi ~~et~~ virgine ipsa fuit gloria (ibidem).

Пророкъ хочетъ указать здѣсь на происхожденіе Мессії не отъ Дѣвы, а изъ дома Давида. Это ясно будетъ, если сравнить 2-й стихъ LIII гл. съ 1-мъ ст. XI главы Ис. Но иѣкоторое различіе въ образахъ для обозначенія одного и того же факта зависитъ отъ различія точекъ зреінія на Мессію въ томъ и другомъ случаѣ. Тамъ онъ просто хочетъ указать на царское происхожденіе Мессії, какъ царя, а здѣсь на происхожденіе Раба Господня изъ царскаго дома, который будетъ въ то время подобенъ корню поѣзданаго дерева, находящемуся въ сухой землѣ. Дѣйствительно, когда плотникъ Іосифъ съ Марию пошелъ изъ Назарета въ Вифлеемъ, въ это время домъ Давидовъ по истицѣ представлялъ собою корень въ сухой землѣ; и нужно было особынное промышленіе Божіе, чтобы этотъ повидимому безнадежный корень пустимъ ростокъ.

Итакъ, Рабъ Іеговы произошелъ изъ дома, хотя и царскаго, по прѣшедшаго въ совершенную неизвѣстность и имѣвшаго вскорѣ покончить свое существованіе. Это была первая причина, по которой Раба Господня не признали за Мессію.

Вторая причина изъяснена во 2-мъ полустиллі.

Нѣсть вида Ему, ниже славы: и видѣхомъ Ею, и не имаше вида, ни доброты.

Вторая причина, по которой іудеи не признали Раба Господня за Мессію, заключалась въ томъ, что Онъ, какъ человѣкъ, имѣлъ обыкновенный человѣческій видъ; въ Немъ не было ни пурпураго величія, ни красоты.

Нѣсть вида Ему, ниже славы. Послѣднє слово у LXX передано не точно—*οὐδὲ δόξα*: точнѣе переводить Симмахъ—*οὐδὲ ἀξέωρα*—ни достоинства. Дѣйствительно, еврейское *תְּהִלָּה* обозначаетъ *величіе* и употребляется для обозначенія, напр., величественпой, благородной одежды и укращенія царя, полководца, священника. Но въ особенности псалмопѣвцы пользуются этимъ словомъ для описанія явленій Іеговы (Пс. XXIX, 4; СП, 1; CIX, 3). Переводы Вульгаты, Лютера, Делича, арх. Макарія въ

этомъ отношеніи не точны: **רוּחַ** переводится здѣсь словомъ: *красота*.

И видѣхомъ Его, и не имаще вида, ни доброты. Не все однаково переводятъ выписанная слова. LXX, Вульгата и Лютеръ слѣдуютъ въ данномъ случаѣ мазоретскому тексту, гдѣ въ предшествующемъ словѣ (**רוּחַ**) поставленъ атнахъ. Но Симмахъ читалъ текстъ безъ атнаха и переводилъ: *lvx e'bdoræn...* Симмаху слѣдуетъ Витринга (Commentar. in Jesaiam, p. II. p. 664). Но если бы справедливо было чтеніе Симмаха, то вместо **רוּחַ** скорѣе можно бы ожидать въ подлинномъ текстѣ: **רוּחָהָרָא**; кромѣ того въ смыслѣ рѣчи выходила бы странная игра словъ: не было у Него ни вида, ни величія, чтобы мы видѣли Его. Такимъ пониманіемъ текста дается мысль: Рабъ Господень имѣлъ настолько микроскопической видъ, что Его даже видѣть было нельзя. LXX переводить **רוּחַ** существительнымъ. И мы видѣли Его и Онъ не имѣлъ такой наружности, чтобы мы находили въ Немъ удовольствіе.

Ст. 3-й. Но видъ Его безчестенъ, умаленъ паче всѣхъ сыновъ человѣческихъ, человѣкъ въ язнь сый и вѣдь терпѣти болѣзнь, яко отвратиша лице Его, безчестно бысть и не смилися.

Здѣсь пророкъ сильнѣе раскрываетъ мысль, высказанную во второй половинѣ предшествующаго стиха, описываетъ видъ Раба Иеговы и отношеніе къ Нему невѣрующаго Израиля.

Вслѣдствіе того, что Рабъ Господень не имѣлъ величественнаго видѣния вида и привлекательной наружности, іудеи оставались къ Нему равнодушны и холодны; они не усмотрѣли въ Немъ чрезвычайного божественнаго посланника. Мало этого. Когда Онъ сталъ обращаться среди іудейского общества, когда Онъ вступилъ въ отношенія съ обществомъ, то Его стали презирать и считать самыми ничтожными. Причинили Ему столь постоянныя и сильныя страданія, что Онъ сталъ мужемъ болѣзни, т. е. страдальцемъ по преимуществу, извѣдалъ страданія во всѣхъ ихъ видахъ. Онъ составлялъ для іудеевъ лишь предметъ отвращенія. Они презирали и ни во что ставили Раба Господня. Вотъ тѣ яркія черты, которыми пророкъ характеризуетъ отношеніе невѣрующихъ іудеевъ

къ Рабу Господню.) Это описание такъ живо напоминаетъ памътное описание отношения ко Христу первѣрующихъ іудеевъ, въ особенности рельефно представленное въ Евангелии Іоанна, что въ параллель мыслямъ пророка остается только поставить соответствующія мѣста изъ Іоаннова Евангелия. „Миръ Менѣ ненавидитъ“ — вотъ какъ опредѣлять Самъ Христосъ отношенія къ нему первѣрующихъ (Іоан. VII, 7). Не правду ли мы говорили, что Ты самарянинъ, что бѣшь въ Тебѣ (Іоан. VІІ, 48); іудеи схватили камни, чтобы побить Его (Іоан. X, 31). Каковы и на самомъ дѣлѣ были отношенія ко Христу іудеевъ. Въ силу уже одного этого свойство положенія среди развращеннаго Израиля Христосъ быдъ истинно мужемъ скорбей, извѣдавшимъ страданія. Но въ особенности въ послѣдніе дни своей, если можно такъ выразиться, первосвященнической жизни Онъ былъ страдальцемъ по преимуществу. Когда Пилатъ, показывая народу измученного и окровавленного Христа, говорилъ: *се, человекъ!* тѣ поистинѣ можно было сказать о Немъ болѣе, чѣмъ о всякомъ другомъ страдальцѣ, что это мужъ скорбей.

По виду Его безчестенъ, уменьшаетъ всѣхъ сыновъ человѣческихъ. LXX у предиката *נָבוֹה* считали субъектомъ *לְאַתֵּס* стиха 2-го. По смыслу рѣчи правилоѣше приимать здѣсь за предметъ рѣчи Раба Іеговы; а то было бы неестественно такое соединеніе: видъ Его былъ уменьшаетъ всѣхъ сыновъ человѣческихъ, тогда какъ очевидно, что два сказуемыхъ: *נָבוֹה* и *לְאַתֵּס* соединенныя частицею *וְ* имѣютъ одно подлежащее. Уменьшаетъ *לְאַתֵּס*. Не одинаково понимаютъ значеніе этого слова Гезеніусъ и Деличъ, по параллели съ XIX, 24 Іов., переводятъ: *оставленный людьми*, не находящій участія со стороны другихъ (Philologisch-kritisch. u. historisch. Comment. u. Jesaia, 2-ter Th. S. 177, Biblisch. Comment. u. d. Proph. Jesaia, S. 509).

Но приводимое въ параллель мѣсто изъ книги Іова *קָרִיבִי לְאַתֵּס* значитъ: *ближніе отстали* (отъ Меня); посему *לְאַתֵּס* должно перевести: *отстающій, перестающій*, т. е. существовать на ряду съ другими людьми. Поэтому близко къ еврейскому тексту и правильно переводить LXX: *ἐχλειπον*. Чтобы ближе опредѣлить значение этого слова, нужно сопоставить съ данными мѣстомъ Ис. XXXIX,

5: וְנִפְתַּח הָמָ—какъ я ничтожень! Отсюда **לֹא** получать смыслъ: не стоящий па ряду съ другими людьми, ничтожнейший изъ всѣхъ, какъ и переводить эти слова Симмахъ: ἐλάχιστος ἀνδρῶν. Въ этомъ значеніи слова находить для себя оправданіе и прибавка, сдѣланная у LXX противъ еврейскаго текста: παρὰ πάντας ἀνθρώπους—ничтожнейший по сравненію со всѣми людьми.) Людьми евр. **מִשְׁנָה** Деличъ истолковываетъ въ особенномъ смыслѣ. Но его мнѣнію **שְׁנָה** въ противоположность **מִשְׁנָה** означаетъ не вообще человѣка, но знатнаго человѣка, такъ что, по Деличу, слова: **מִשְׁנָה** **לֹא** даютъ мысль: оставленный знатными людьми. Слова пророка указывали бы такимъ образомъ на тотъ евангельскій фактъ, что Иисуса Христа въ особенности игнорировала іудейская знать. Но подобное значеніе слова не оправдывается дѣйствительными употребленіями **שְׁנָה** въ священныхъ книгахъ. Здѣсь оно просто употребляется въ значеніи человѣка безъ всякаго указанія на его знатность (напримеръ Пс. CXI, 4; Пр. VIII, 4). Поэтому, обычному пониманію словъ пророка должно быть отдано предпочтеніе;ср. ЛП, 14; Пс. XXI, 7.

Человѣкъ въ языке сый **מְבֻבֵּן שְׁנָה** мужъ болѣзней, страдалецъ. **מְבֻבֵּן** болѣзнь душевная, внутреннее страданіе (Екл. I, 18); поэтому слова: мужъ болѣзней, даютъ мысль: человѣкъ внутренно, сердечно страдающей.

Вѣдьмъ терпѣти болѣзнь — **לֹא** **לְעִירָה**. Развлично понимаютъ смыслъ этихъ словъ. LXX переводятъ: εἴδως φέρειν μαλακίαν; Вульгата: sciens infirmitatem. Сообразно съ LXX и Вульгатой переводятъ: vertreute der Krankheit—свѣжшій съ болѣзнью.

Но Гезеніусъ справедливо замѣчаетъ, что въ такомъ случаѣ **עִירָה** нужно бы понимать, какъ причастіе настоящее (Philologisch-krit. und historisch. Comment. ю. Jesaia, II-ter Th. S. 193).

Другое переводятъ: известный болѣзнию (N a e g e l s b a c h, Homiletisch-exegetisch. Bibelwerck, herausgegeb. von Lange, Jesaias S. 412), въ какомъ значеніи это слово употребляется во Второз. I, 13 и 15.

Но въ такомъ случаѣ зависимость между **עִירָה** и **לֹא** должна быть выражена посредствомъ предлога.

Неправиленъ также и переводъ Симаха: γνωστὸς νόσῳ — знакомый съ болѣзнью, такъ какъ въ этомъ случаѣ въ еврейскомъ текстѣ должно бы стоять עַדְיָה но עַדְיָה значить узнатій, извѣдавшій болѣзнь отъ другихъ. Болѣзнь Раба Иеговы не была следствіемъ его природнаго слабаго болѣзневнаго организма; причина болѣзни лежала во вѣѣ; Онь извѣдалъ ее вслѣдствіе того, что другіе причиняли Ему ее. На эту мысль указываетъ не только форма עַדְיָה, но и слово: עַדְיָה, которое обозначаетъ болѣзнь отъ пораненія (З Царствъ XXII, 34), слѣд. болѣзнь, основаніе которой кроется не въ организмѣ, но виѣ его и притомъ болѣзнь внѣшня, физическая (Пс. LXIX, 27; CVIII, 22; Іер. LI, 52).

Итакъ словами: *мужъ скорбей, извѣдавшій болѣзнь*, пророкъ хочетъ сказать, что Рабъ Господень терпѣлъ страданія во всѣхъ видахъ: какъ физическія, такъ и душевныя.

Яко отвертился лицѣ Его מִבְּנֵי מִשְׁמָרָה. LXX читали вмѣсто מִבְּנֵי — מִבְּנָה — причастіе отъ מִבְּנָה и потому переводили: бѣ апѣстраттас тѣ прѣсвѣтому авѣто, привиняя מִבְּנָה за подлежащее. Подобнымъ образомъ переведено и въ Вульгатѣ et quasi absconditus vultus ejus — потому что скрыто или отвращено (по LXX) лицо Его. Это чтеніе удержано въ 4 кодексахъ (G e s e n i u s, Philologisch-kritisch. u. historisch. Commentar ѹ. Iesaias, 2-ter Theil, S. 178).

Но оно даетъ мысль несогласную съ представленіемъ пророка о Рабѣ Господнемъ. Лица Моего не закрывалъ отъ поруганія и оплеванія; я не стыжусь, поэтому Я держу лицо Мое, какъ кремень и знаю, что не останусь въ стыдѣ (Пс. L, 6—7)—вотъ что говорить о Себѣ Рабъ Господень у пророка. Поэтому предпочтительнѣе чтеніе מִבְּנָה сущ. значить закрытие. Очевидно у пророка абстрактное понятіе поставлено вмѣсто конкретнаго: предметъ для закрытия, и потому дословный переводъ евр. текста долженъ быть таковъ: и какъ предметъ для закрытия нами своего лица, т. е. какъ человѣкъ, при встрѣчѣ съ которымъ мы закрывали свое лицо въ знакъ отвращенія. Даѣше мы припимаемъ מִבְּנָה за вин. пад. отъ בְּנָה (imperf. калъ, 1 мп. (и כָּלְלָה וְכָלָה) и потому мысль пророка выражаемъ такъ: и мы презирали и ни во-что став-

вили Его, какъ человѣка, отъ котораго мы отворачивались (отвращали свое лицо). LXX принимаютъ Г҃СР за причастіе *иифаиль*, и разумѣя предшествующее подлежащее *шиш* переводятъ: *безчестно бысть*. Русскій синодальный переводъ точно также понимаетъ это слово, но только подлежащимъ считаетъ: *Рабъ Господень*, вслѣдствіе этого является переводъ: мы отвращали лицо свое; Онъ быль презираемъ. Но, а) здѣсь изъ одного предложенія сдѣлано почемуто два, и б) оставлено безъ перевода *и*.

§ Стихъ 4-й. *Сей грѣхи наши носитъ и о насъ болѣзнуетъ, и мы вминаюсомъ бытъ Его въ трудь и въ язнь отъ Бога и въ озаблѣніи.*

Въ предшествующемъ стихѣ пророкъ окончилъ описание отношеній къ Рабу Господню ненѣрующаго общества и ложныхъ воззрѣній на Него. Въ первой половинѣ настоящаго стиха пророкъ изображаетъ истинное представление іудеевъ о Рабѣ Господнемъ, которое они получили послѣ, увѣровавъ въ Мессію. Мы думали, какъ бы такъ говорить іудеи, мы думали, что Онъ презрѣній, ничтожный человѣкъ, отъ котораго нужно отвращаться; но на самомъ дѣлѣ Онъ не таковъ. Онъ быль человѣкъ высшаго самоподтвержденія, Который переносилъ на Себѣ не Свои немощи и болѣзни, а наши. Противополагая ложное понятіе о Рабѣ Господнемъ истинному, пророкъ выражаетъ это противоположеніе частично *и*, которая обозначаетъ утвержденіе одного факта съ отрицаніемъ другаго, противоположнаго (ср. Пс. XLIX, 4): но на самомъ дѣлѣ—

и Сей грѣхи наши носитъ и о насъ болѣзнуетъ. LXX не-правильно перевели *и*—грѣхи наши, но совершенно правильно переведено это мѣсто въ Евангеліи Матоєя: *αὐτὸς τὰς ἀσθενείας ἔμενε ἐλάζε καὶ τὰς μόσχους ἐβάσταξεν.* Онь взялъ наши немощи и попесь болѣзни.

Чтобы точнѣе изложить мысль пророка, слѣдуетъ обратить вниманіе на точное значеніе подлиннаго текста. Припомнимъ различіе между *יְלֵה וְאַבָּדָה*; первое обозначаетъ виѣшнюю физическую болѣзнь; это именно то, что св. Матоєй обозначалъ греческимъ словомъ *ἀσθενεία*—физическая слабость, болѣзненное состояніе орга-

низма. **בָּכֹר** напротивъ того обозначаетъ боль внутреннюю, сердечную, душевное страданіе. Поэтому Вульгата точно передаетъ значеніе этого слова чрезъ dolor и LXX чрезъ ὀδύνη. Итакъ Рабъ Господень взялъ на Себя и понесъ какъ физическая, такъ и душевная страданія.

§ 10. Различіе между еврейскими глаголами **נָשַׁי** и **לְבִנָה** ев. Матоей опредѣлилъ, какъ различіе между **λαμβάνειν** и **βαστάζειν**; первое обозначаетъ—брать на себя, второе—взявши, нести на себѣ. Дѣйствительно, **לְבִנָה** значить нести, и нашъ пророкъ употребляеть этотъ глаголь между прочимъ въ тѣхъ случаяхъ, когда нужно сказать о несении чего либо тяжелаго (напр. XLVI, 4 и 7). Но **נָשַׁי** имѣть болѣе широкое значеніе, чѣмъ—брать, поднимать что на себя; это слово въ извѣстномъ смыслѣ объединяетъ въ себѣ оба понятія: и братъ на себя и, взявши, нести, или точнѣе: поднять на себя для того, чтобы нести. Такъ обычное выраженіе въ Моисеевомъ законѣ: **נָשַׁי עֲוֵנֶיךָ** нести грѣхъ. Въ этомъ значеніи поняли данный глаголь и LXX и перевели: **ἀναφέρει**. Въ славянскомъ текстѣ не точно переведено: **сей носитъ**; правильно нужно переводить: Сей грѣхи наши возносить, подъемлетъ т. е. на Себя.

Точная мысль пророка такимъ образомъ та: Рабъ Господень подъялъ на Себя всю совокупность нашихъ страданій какъ тѣлесныхъ, такъ и душевныхъ и понесъ ихъ на Себѣ, какъ тяжкое бремя. Очевидно, что пророкъ говоритъ здѣсь о ходатайственномъ несении страданій Рабомъ Іеговы за народъ израильской. Идея ходатайственного страданія всегда присутствала не только народу еврейскому, но и всему человѣчеству. Такъ исторія представляетъ намъ много примѣровъ, что для блага общества несли страданія и смерть за него отдельныя лица. Таковы были въ Греціи Кодръ и Леонидъ, вмѣстѣ со всѣмъ войскомъ мужественно умершій за отечество; таковъ былъ Муцій Сцевола въ римской республикѣ. Эти ходатайственные страданія и смерть поднимаетъ на себя всякий разъ войско, когда оно сражается за отечество. Но въ особенности эта идея была распространена на востокѣ и посему нашла точное и твердое выраженіе въ самомъ языке во-

сточныхъ народовъ. Не только у евреевъ, но и у арабовъ мы находимъ эту идею очень ясною и твердою въ народномъ сознаніи. „Я своею жизнью выкупаю тебя у Бога“; „я куплю твое спасеніе свою жизнью и жизнью своего отца“, говорятъ арабы (Gesenius, Philologisch-kritisch. und historisch. Comment. й. Jesaja, 2-ter Th. S. 190). Такое понесеніе страданій и даже пощертованіе жизнью однимъ лицомъ вмѣсто другаго основывается ~~на~~ на чёмъ иномъ какъ на признаніи внутренней, нравственной связи между всѣми членами общества, по силѣ которой страданіе общества принадлежитъ вмѣстѣ и каждому отдельному лицу, будь ли это общество разматривающееся какъ семья, или какъ государство. Эта идея съ своей нравственной точки зреянія мало доступна холодному, анализирующему уму современного европейца, для которого человѣкъ представляется прежде всего какъ индивидуумъ, какъ обособленная личность, слѣд. отвѣчающая только за свои дѣянія, руководящаяся главнымъ образомъ тѣмъ правиломъ, что чья душа въ грѣхѣ, та и въ отвѣтѣ. Но для человѣка на востокѣ, гдѣ личная, индивидуальная жизнь была слабо развита по сравненію съ жизнью общинной, идея ходатайственного страданія была ближе къ сознанію человѣка, казалась ему естественною и справедливостю, — истины чего съ извѣстной точки зреянія и отрицать нельзя. Эта точка зреянія заключается въ слѣдующемъ. Человѣкъ трактуется здѣсь не только какъ строго обособленная личность, но всякий въ равной мѣрѣ есть и коллективная личность въ томъ смыслѣ, что въ немъ должны отражаться и состоянія всѣхъ другихъ людей, какъ свои собственныя и эти состоянія не должны быть для него только предметомъ холода и умозрѣнія, но овь долженъ усвоивать ихъ себѣ, какъ свои собственные и потому долженъ становиться къ нимъ въ такія же жизненные, дѣятельные отношенія, какъ къ своимъ собственнымъ. Такія отношенія основывались на коренномъ еврейскомъ поватіи о человѣкѣ, которое выражено въ книгѣ Бытія (I, 27—28) и которое кратко и ясно выразилъ ап. Павель: отъ одной крови Богъ произвелъ весь родъ человѣческій (Дѣян. XVII, 26).

Ближайшимъ образомъ такое представление о человѣкѣ ясно

высказывалось въ семье тѣмъ, что отецъ не считалъ себя только и исключительно какъ личность отдельную отъ сына, и сынъ не считалъ себя какъ личность совершенно отдельную отъ отца. Но отецъ смотрѣлъ на сына какъ на реальное продолженіе своего собственного лица, а сынъ смотрѣлъ на отца какъ на реальное начало своей личности, такъ что отецъ и сынъ одноличеческая личность. При такомъ-то возврѣніи на отношеніе между собою людей понятными представляются тѣ факты, что отецъ считаетъ грѣхи своихъ дѣтей не чуждыми для себя и до него касающими и умилостивляеть за нихъ Бога (Пов. I, 5. Лев. X, 18—20) и что Гегова не считаетъ грѣхи отца чуждыми сыну и опредѣляетъ ему нести наказаніе отца, и не только ему, но и его сыну даже до четвертаго рода (Исх. XX, 5).

По отношенію къ обществу, какъ государству, имѣть значеніе тоже возврѣніе на отношеніе между собою членовъ его. Теократическое еврейское общество было одной большой семьей, отцемъ которой былъ Гегова, а видимымъ представителемъ этого отца въ народѣ было между прочимъ священническое сословіе. По волѣ и опредѣлѣнію Гегозы, основаннымъ на любви его къ народу, Имъ созданному и воспитанному (Ис. XLVI, 3—4), священники должны были какъ съ народа вообще, такъ въ частности съ каждого отдельного члена этой теократической семьи снимать вину и переносить ее, постѣдовательно разсуждая, на себя. | Но такъ какъ это было выше ихъ нравственныхъ силъ (брата^{Всг} не избавитъ; избавитъ ли человекъ? еда дастъ измѣну за ся?) то Гегова далъ на помощь священнику жертву. Священникъ на животное переноситъ вину народа. Но ясно, что животное еще менѣе священника способно было понести въ существѣ дѣла вину человѣка. Съ дѣйствительности положеніе вещей переходило лишь на образъ, на знакъ, на символъ. Животное, по бблейскому возврѣнію, равно какъ и вся неразумная природа должны были служить человѣку во всѣхъ разнообразныхъ случаяхъ его жизни, гдѣ бы тамъ ни понадобилась ихъ услуга; потому что человѣкъ царь природы (Быт. I, 28). Эта власть послѣ паденія уменьшилась, но не уничтожилась, а потому человѣкъ пользуется живот-

ныиъ, хотя съ особаго соизволенія Іеговы (Быт. IX, 2—3). И вотъ священниѣ, по повелѣнію Іеговы, такъ какъ онъ не въ силахъ самъ нести вину, только чувственнымъ знакомъ изображаетъ, что вина должна быть понесена или самимъ человѣкомъ, но такъ какъ онъ самъ этого не можетъ сдѣлать, какъ ему показываетъ внутренний опытъ,—то или другимъ кѣмъ либо. Кѣмъ? Самимъ Іеговою? потому что Онъ главный Отецъ людей; но Онъ не изъ ихъ общества; не участниѣ въ ихъ свойствахъ, какъ конечныхъ существъ, и не можетъ ни быть, ни сдѣлаться участникомъ въ ихъ винѣ и понести ее предъ Своимъ закономъ. Но видно, что инициатива въ этомъ дѣлѣ должна идти отъ Него. Итакъ Онъ опредѣляетъ, чтобы Рабъ Его, Его же природы, но сдѣлавшійся причастнымъ и человѣческой природы, понесъ всѣ страданія человѣка. Такъ вотъ что обозначали эти символы, эти образы, представляемые чрезъ посредство животнаго. Тотъ предметъ, отъ котораго падали эти тѣни и на который они указывали, былъ Рабъ Іеговы. Онъ не символически, не образно, а на самомъ дѣлѣ взять на Себя всѣ болѣзни и страданія человѣчества и понесъ ихъ какъ тяжкое бремя. А болѣзни Израиля были велики; вина его предъ Іеговою тажка. „Вся голова въ язвахъ и все сердце въ скорби, отъ подошвы ноги до темени головы лѣтъ у него здороваго мѣста; язвы, пятна, гноящіяся раны, не очищенные и не обвязанные и не смягченные елеемъ (Ис. I, 5—6).

Доселѣ пророкъ изображалъ фактическую сторону событія; показалъ, какимъ казался страждущій Рабъ Господень для невѣрующихъ іудеевъ и каковъ Онъ былъ на самомъ дѣлѣ—другими словами: чѣмъ казались страданія Раба Господня и чѣмъ они были въ дѣйствительности. Изобразивши событіе, пророкъ переходить къ изъясненію причинъ его, и сообразно двойной точкѣ зреїнія на предметъ, ложной и истинной, онъ съ этихъ же двухъ точекъ зреїнія изображаетъ и причину страданія Раба Господня. По іудейскому и общечеловѣческому воззрѣнію страданія суть ничто иное, какъ наказаніе за грѣхъ, будетъ ли то собственный грѣхъ человѣка или чужой. Правда, для іудея въ книгѣ Іова была раскрыта другая точка зреїнія на этотъ предметъ, по которой страданія

суть средство нравственного усовершенствования для человека, а потому приближения его к Богу, и следовательно относительного примирения съ Нимъ. Но считая Раба Господня великимъ грѣшникомъ, юдеи конечно не могли смотрѣть на Его страданія съ точки зрения міросозерцанія книги Іова, они думали, что Его страданія суть наказаніе Божіе за Его собственные грѣхи. Только впослѣдствіи, когда они стали имѣть правильный взглядъ на Раба Господня, они стали смотрѣть на Его страданія съ точки зрения, раскрытої въ книгу Іова, и поняли ее еще шире, чѣмъ она тамъ изъяснена. Какимъ образомъ? Страданія Іова не были наказаніемъ за его грѣхи; они были средствомъ къ его нравственному очищению и следовательно приближенію и относительному примиренію его съ Іеговою. Но Іовъ терпѣль страданія, какъ индивидуальная обособленная личность и потому Его страданія были средствомъ приближенія къ Богу и относительного примиренія только его самаго. Рабъ же Господень терпѣль не Свои страданія, а страданія народа; следовательно эти страданія служили не къ Его примиренію съ Іеговою, а народа, за который Онъ страдалъ. Вотъ что значитъ, что юдеи впослѣдствіи стали смотрѣть на страданія Раба Господня съ точки зрения, изложенной въ книгу Іова. Но продолжимъ далѣе сравненіе страданій Іова съ страданіями Раба Господня. Хотя страданія Іова не были въ строгомъ смыслѣ слова наказаніемъ за грѣхи, но и они не стояли въ всякой причинной связи съ грѣхомъ. Въ изгѣстномъ смыслѣ слова они также были наказаніемъ за грѣхи, поскольку они направлены были въ немъ къ подавленію его эгоизма и чрезъ то къ очищению и возвышению его нравственной природы. Не будь грѣха, страданія также не существовало бы ни для какой цѣли и въ томъ числѣ для усовершенствованія нравственной природы человека. Собственно же такое средство усовершенствованія дано человеку точно также, какъ наказаніе за грѣхъ или точнѣе наказаніе грѣха, т. е. его искорененіе, такъ какъ всякое наказаніе въ субъективномъ отношеніи (т. е. въ отношеніи къ субъекту) имѣеть цѣлью искорененіе грѣха. Но въ объективномъ смыслѣ, по отношенію къ Богу, оно имѣеть значеніе возмездія, удовлетворенія за оскорблѣніе святости, причиняемое грѣхомъ. Въ этомъ смыслѣ

и въ этомъ отношеніи и страдалъ точно также Рабъ Іеговы. Только Его страданія были возмездіемъ не за Его личные грѣхи, но за грѣхи человѣческіе. Его страданія точно также стояли въ связи съ грѣхомъ человѣческимъ.

Мы виновникомъ Его бытии въ трудахъ, и въ язвѣ отъ Бога и въ озоблѣніи. Мы считали Его, говорить пророкъ, пораженнымъ, наказаннымъ Богомъ и уничиженнымъ. Пораженный у^{נָזֵן} собственно значить пораженный какою-либо тяжкою болѣзнью (Быт. XII, 17). Но такъ какъ самая тяжкая болѣзнь у евреевъ была проказа, то это слово значитъ—пораженный проказою (Лев. XIII, 3, 9, 20 и д.). На этомъ основаніи LXX переводятъ: *въ язвѣ отъ Бога*, т. е. считали Его пораженнымъ отъ Бога проказою и Вульгата: *quasi leprosum*. Если вообще всякая болѣзнь считалась у евреевъ наказаніемъ за грѣхи, то проказа попреимуществу; посему по Моисееву закону священникъ особеннымъ религіознымъ обрядомъ освящать очищившагося отъ проказы, а по истеченіи 7 дней послѣ совершенія обряда испѣлившійся отъ проказы долженъ былъ принести жертву за грѣхъ, жертву вины и всесожженія (Лев. XIV). Употребивъ о Рабѣ Іеговы выраженіе עִזֵּן, пророкъ, кажется, хотѣлъ сопоставить Его съ другимъ невиннымъ страдальцемъ — Иоанномъ, друзья которого также несправедливо считали его наказаннымъ отъ Бога за его собственные грѣхи. Наказаннымъ Богомъ—עִזֵּן הָבָדֵל Дрекслеръ считаетъ такой переводъ неправильнымъ и даетъ приведенному выражению такой смыслъ: наказанный Божій, мученикъ Бога (Der Prophet Jesaia, S. 204). Конечно грамматический составъ рѣчи не даетъ права на переводъ: наказанный Богомъ; но справедливо замѣчаетъ Гезеніусъ: „выраженіе: „отъ Бога“ лежитъ уже въ понятіи слова: „наказанный“; а здѣсь необходимо ради противоположности (съ мыслью стиха послѣдующаго)“ (Philologisch. kritisch. u. historisch. Comment. й. Jesaia, 2 Th. S. 179).

Дѣйствительно было бы несогласно съ мыслью пророка переводить здѣсь: наказанный Божій, такъ какъ іудеи неувѣрюющіе, съ точки зрѣнія которыхъ пророкъ изъясняетъ здѣсь причину страданія Раба Господня, отнюдь не считали Его мученикомъ

Божій, а истинный и противоположный этому взглядъ высказывается только въ послѣдующемъ стихѣ.

Ст. 5. Той же язвенъ бысть за грѣхи наша и мученъ бысть за беззаконія наша. наказаніе мира нашего на Немъ, язвою Его мы исцѣльхомъ.

Во второй половинѣ стиха 4-го пророкъ указалъ ложную причину страданій Раба Господня, а здѣсь указываетъ истинную причину ихъ. Истинную причину противополагая ложной, пророкъ выражаетъ это противоположеніе чрезъ **וְיָמֵן** въ соотвѣтствіе **וְעַבְדָּנוּ** ст. 4-го: мы думали, что Онъ былъ наказанъ Богомъ за свои грѣхи, но Онъ страдалъ за наши грѣхи.

Той же язвенъ бысть за грѣхи наша и мученъ бысть за беззаконія наша. Чтобы точно понять силу страданій Раба Господня, какъ это хотеть опредѣлить пророкъ, нужно ближе всмотрѣться въ значеніе: язвенъ бысть—**וְיָמֵן** и мученъ бысть—**וְעַבְדָּנוּ**. Первое обозначаетъ физическое страданіе, ближе страданіе отъ рапы (ср. Іер. LI, 52; Пс. LXIX, 27; CVIII, 22). Второе дѣйствіе, въ противоположность первому, должно быть здѣсь понято въ смыслѣ душевнаго страданія, душевной муки (ср. Пс. LXXXIX, 3). Именно такъ и понимаютъ значеніе этихъ дѣйствій LXX. „Изъязвленъ быль“ они переводятъ—**ἐτραβμάτισθη**, измученъ быль—**ἐμαλαχίσθη** (душевное разслабленіе). Итакъ пророкъ хочетъ сказать, что Рабъ Господень былъ измученъ тѣлесно и душевно за грѣхи и беззаконія наши, т. е. потерпѣлъ страданія во всѣхъ ихъ видахъ. Этимъ пророкъ даетъ понять, что Рабъ Господень потерпѣлъ за грѣхи человѣческіе всѣ страданія, которыхъ только можно было потерпѣть. По крайней мѣрѣ на языкѣ человѣческомъ нѣть еще другихъ словъ, которыми бы можно было точнѣе выразить всю совокупность самыхъ сильныхъ страданій. А чисто страдательная форма глаголовъ показываетъ, что дѣйствіе было причинено вѣнчнею, стороннею силу, что слѣд. другое пронзили тѣло и душу Раба Господня (ср. Зах. XII, 10).

За грѣхи наши, за беззаконія наши **וְיָמֵן וְעַבְדָּנוּ**. **וְ** при страдательномъ оборотѣ подобно греческому **ὑπό**, обозначаетъ не первую и непосредственную причину дѣйствія, но вторую, по-

средствующую, такъ что совершенно точный переводъ долженъ бы быть: изъ за грѣховъ нашихъ, вслѣдствіе грѣховъ нашихъ. Поэтому совершенно противъ правиль языка идутъ тѣ, которые переводятъ: Онъ изъзвѣль былъ грѣхами нашими. Такой переводъ допускаютъ защитники рационалистического ученія о страданіяхъ Христовыхъ, по которому послѣднія были лишь простымъ и естественнымъ слѣдствіемъ того, что И. Христосъ, будучи въ своей жизни выразителемъ добра и святости, жилъ среди грѣховнаго общества и потому долженъ былъ естественно и необходиимо встрѣтить противодѣйствіе всѣмъ святымъ дѣйствіямъ со стороны грѣха, долженъ былъ терпѣть вражду и страданія со стороны грѣшниковъ. При чёмъ эти страданія были лишь попущены Богомъ, но отнюдь не опредѣлены. Стоя на этой точкѣ зреїнія, Рейхель въ объясненіе разсматриваемаго мѣста пишетъ: „мы думаемъ, что Благой Богъ мучилъ Христа; иѣтъ, наши грѣхи сдѣлали это“ и переводитъ слова Исаіи: der von unsern sünden verwundete (израненый нашими грѣхами) (Stier's, Iesaia, nicht Pseudo-Iesaia, S. 446).

Не отрицая прямой связи страданій Раба Господня съ человѣческимъ грѣхомъ, не разрывая причиннаго отношенія между первымъ и послѣднимъ, пророкъ однакоже далекъ отъ мысли остановиться въ изложеніи этого факта на его поверхности. Онъ проникаетъ далѣе, въ самое сверхъестественное основаніе этого явленія. Страданія Раба Господня не были только простымъ слѣдствіемъ вражды къ Нему грѣховнаго общества. Чрезъ свободныя дѣйствія развращеннаго общества міроправлящее Провидѣніе достигло своей цѣли, которая не входила въ планъ грѣшниковъ, причинявшихъ Христу страданія. Именно эти страданія, будучи произведены грѣхомъ, въ тоже время послужили наказаніемъ грѣха, которое привело людей къ миру, ко спасенію.

Наказаніе мира нашего на Немъ. Подъ вліяніемъ различныхъ догматическихъ воззрѣній на страданія Христа неодинаково понимаютъ значеніе наказанія, о которомъ говорить здѣсь пророкъ. Одни разумѣютъ здѣсь юридическое наказаніе, другіе педагогическое. Еврейское слово, здѣсь поставленное, имѣть то и другое значеніе (Пр. III, 11; VII, 22; Іов. V, 17—18; Іер. XXX, 14).

хотя попреимуществу употребляется въ послѣднемъ. Для обозначенія же наказанія юридического существуютъ слова: **תְּפִלָּה**, **מִרְאַת** и др. По этой причинѣ LXX переводятъ: **τέλος**—**καὶ δίκη**, Вульгата—disciplina. Къ данному мѣсту пророка наиболѣе ¹⁾ подходитъ значение **τέλος**, какъ педагогического наказанія, такъ какъ оно хотя и имѣть цѣлью возмездіе за преступленіе и удовлетвореніе праву, но не ставить эту цѣль единственою, а соединяетъ съ нею другую—произвести нравственныя улучшенія въ наказуемомъ. Такое пониманіе наказанія согласно и съ нравственно-догматической точкой зренія на страданія Христовы. Христосъ потерпѣлъ тѣа страданія и ту смерть, которыя были опредѣлены Богомъ людямъ. Но эти страданія не имѣли характера исключительно лишь возмездія за грѣхъ и слѣд. не имѣли въ основаніи исключительно гнѣва Божія; но виѣстѣ съ тѣмъ наказаніе имѣло цѣлью и производить нравственное улучшеніе въ наказуемыхъ, слѣд. проистекало и изъ любви Божіей къ людямъ, желавшей спасенія грѣшниковъ. По этому Священное Писаніе называетъ это наказаніе первою смертью и ясно отличаетъ ее отъ второй смерти, которая будетъ наказаніемъ уже исключительно имѣющимъ цѣлью удовлетвореніе божественной правдѣ и которой будутъ подлежать люди только тогда, когда отвергнутъ смерть Сына Божія. Это наказаніе, проис текающее исключительно изъ гнѣва Божія, будетъ имѣть поэ тому свойство слѣдствіемъ не исправленіе и улучшеніе нравственной природы человѣка, а лишь отчаяніе, мрачное чувство полной безнадежности. Не таково наказаніе первого рода. Оно, какъ имѣющее въ основаніи и божественную любовь къ людямъ, производить и само по себѣ относительное улучшеніе, поэ тому заключаеть въ себѣ свѣтлую сторону, обнадеживая человѣка возможностью побѣды надъ грѣхомъ и снисканія божеской милости. Оно и залогъ божественной любви (Пр. III, 11). Сообразно своему основному характеру, эти страданія и на нравственную природу Христа производили не подавляющее только вліяніе, по вмѣстѣ и усовершающее. Они воз-

¹⁾ На языке пять точного слова для обозначенія характера наказанія, нонесенного И. Христомъ, такъ какъ оно не было исключительно ни юридическимъ ни педагогическимъ.

вышали и развивали человѣческую природу Христа (Евр. II, 10; V, 8—9) ¹⁾. И послику это наказаніе Христосъ понесъ не за Себя, а за людей, то и для людей они имѣли тоже значеніе; возвратили имъ нравственное здоровье, спасеніе, служили къ ихъ спасенію (Ср. Евр. V, 9). LXX и Вульгата переводятъ: наказаніе мира евр. **מִשְׁפָּט**. Такое значеніе это слово дѣйствительно я имѣть. Но первоначальное значеніе его— здоровье, благополучіе; въ нравственномъ смыслѣ спасеніе. Въ послѣднемъ смыслѣ болѣе основанія принимать здесь **מִשְׁפָּט** по сличенію съ послѣдующимъ **מִשְׁפָּט**—исцѣлиль. Наказаніе, служащее ко спасенію нашему, было на Немъ.

Изъ Язвою Его мы исцѣлихомъ. Язвою—**בְּבָרֶן**. Въ Пр. XX, 30 это слово обозначаетъ раны отъ побоевъ, слѣды, которые остаются отъ удара или точнѣе собраніе крови подъ кожей вслѣдствіе удара. Въ строгомъ смыслѣ слова, ударъ причиняетъ поврежденіе не одному только мѣсту на организмѣ, а производить извѣстныя сотрясенія цѣлаго организма, такъ что слѣдъ отъ удара на одномъ только мѣстѣ организма какъ бы локализируетъ поврежденіе, нанесенное цѣлому организму. Въ этомъ смыслѣ порядокъ въ царствѣ природы прообразовательно указываетъ на порядокъ въ царствѣ благодати. Человѣчество представляеть собою нравственный, духовный организмъ, глава котораго Христосъ. Все нравственное поврежденіе человѣчества, нравственное потрясеніе, причиненное человѣчеству грѣхомъ, обнаружилось въ исторіи страданій Христа исключительно на Христѣ. И такъ какъ Онъ вынесъ эту болѣзнь, которая была болѣзнию всего человѣчества, побѣдилъ грѣхъ, уничтоживъ его, поэтому чрезъ Его изву мы спасены.

Ст. 6. Всі, яко овицы, заблудихомъ: человѣка отъ пути своего заблуди, и Господь предаде Его грешъ нашихъ ради.

Изложивши въ предшествующемъ стихѣ истинную причину страданій Раба Господня и ихъ значеніе для Израиля и человѣ-

¹⁾ На этотъ фактъ стоитъ обратить вниманіе. Тѣ, которые видѣть основаніе страданій Христа только въ гнѣвѣ Божіемъ, никакъ не объяснятъ такого дѣйствія страданій на Христа, равно какъ и самой возможности искупленія. Страданія, преистекающія только изъ гнѣва Божія, неизбѣжно ведутъ страдающую личность въ отчаянію, а потому не могутъ никому пренести пользы. Вотъ почему мученія грѣшниковъ вѣчны и искупленіе для нихъ невозможно.

чества, пророкъ здѣсь изъясняетъ необходимость совершенного Рабомъ Иеговы дѣла. Эту необходимость пророкъ усматриваетъ во всеобщемъ грѣхѣ человѣческомъ. Господь предалъ Своего Раба на страданія, потому что всѣ мы блуждали, какъ овцы, каждый шелъ своею дорогою. Ближайшимъ образомъ израильтяне говорятъ здѣсь о собственномъ блужданіи. Они представляютъ свое нравственное состояніе подобнымъ положенію стада овецъ. Въ книгѣ Числъ Моисей высказываетъ Богу опасеніе, чтобы израильтяне послѣ его смерти не остались какъ овцы, у которыхъ нѣтъ пастыря (XXVII, 17). Господь повелѣлъ ему поставить вмѣсто себя вождемъ народа Иисуса Навина. И послѣ И. Навина евреи постоянно находились подъ управлѣніемъ богоизбраныхъ мужей. Но никакая вѣшняя власть не въ силахъ была удержать евреевъ въ границахъ послушанія Иеговѣ; они все же, по свидѣтельству нашего пророка, блуждали какъ овцы безъ пастыря. Каждый, отвращаясь отъ Иеговы, шелъ собственнымъ путемъ нечестія. Общность образа, допущенная здѣсь пророкомъ, даетъ основаніе думать, что пророкъ разумѣеть здѣсь не какія либо частныя, отдѣльныя преступленія Израиля, но общую грѣховность,— внутреннее, грѣховное настроеніе Израиля, которое обще у него со всѣми другими людьми. Здѣсь пророкъ высказываетъ туже самую мысль, которую высказалъ псаломгѣвецъ другими словами: „всѣ уклонились; всѣ расталились; нѣть творящаго добро; нѣть ни единаго“ (Пс. ЛП. 4) и которую апостолъ высказалъ въ словахъ: „всѣ согрѣшили и лишиены славы Божіей“ (Римл. III, 17). Поэтому слова пророка относятся не только къ невѣрующимъ іудеямъ, но и ко всѣмъ людямъ, и къ нему самому; ибо и самъ пророкъ въ сознаніи этой своей грѣховности говоритъ Богу: я человѣкъ съ нечистыми устами.

Эта грѣховность, общая у Израиля со всѣмъ человѣчествомъ, названа у пророка заблужденіемъ. Здѣсь можно усматривать указаніе на особую сторону въ человѣческомъ грѣхѣ. Естественное физическое блужданіе состоитъ въ томъ, что человѣкъ, воображая, будто онъ идетъ по вѣрной дорогѣ, на самомъ дѣлѣ принимаетъ ложное направление. Такъ точно и нравственное заблужденіе состоитъ въ томъ, что человѣкъ, воображая, будто онъ идетъ къ

своему истинному счастию, на самомъ дѣлѣ ищетъ счастія тамъ, гдѣ его вѣтъ. По этой своей сторонѣ грѣхъ для человѣка есть обманъ, обольщеніе (Еф. IV, 21—22; Римл. VII, 11; Сол. II, 7—10; Евр. III, 13), въ которое вналъ человѣкъ не по собственному начинанію, но по обольщенію дьявола. Человѣкъ здѣсь именно поддался обману, такъ что грѣхъ человѣка не есть вполнѣ самостоятельное дѣло.) Этимъ объясняется съ одной стороны возможность для человѣчества раскаянія, хотя и не настолько полнаго и совершенного, чтобы слѣдствіемъ его было полное и рѣшительное возвращеніе человѣка на путь добра; съ другой стороны отсюда же объясняется и возможность божественного состраданія и милости къ падшему человѣчеству, слѣдствіемъ которыхъ было то, что Господь послалъ Пастыря къ заблудшимъ овцамъ дома Израилева и возложилъ на Него грѣхъ всѣхъ насть (Ср. Зах. XIII, 7). *И Господь предаде Его грѣхъ ради нашихъ.* Предаде—
~~удѣл~~ (срдно съ греч. πέγμα, лат. pango — попадать въ кого, относиться къ кому дружественно или враждебно) въ формѣ *иудиль* имѣть причинное значеніе: дѣлать, чтобы что либо попадало въ другаго, касалось другаго; поэтому буквальный переводъ будеть: Иегова сдѣлалъ, чтобы грѣхи всѣхъ насть касались Его, перешли на Него. Довольно близокъ къ подлинному тексту переводъ LXX: κόριος παρέδωκεν αὐτὸν ταῖς ἀμαρτίαις ἡμῶν — Господь предалъ Его грѣхамъ нашимъ. Но славян. переводъ не точенъ.

Какимъ образомъ Рабъ Господень понесъ на себѣ грѣхъ человѣчества, это пророкъ изъяснилъ выше (ст. 4 — 5) Рабъ Иеговы взялъ на себя болѣзни и страданія человѣческія и понесъ ихъ, какъ тяжкое бремя. Терпѣть страданія за другаго, за его грѣхъ, по словоупотребленію и ученію Ветхаго Завѣта,значить взять на себя его вину, его грѣхъ: св. Кириллъ Александрійскій въ объясненіе рассматриваемыхъ словъ пророка пишеть: „мы отступили отъ Бога живаго и послѣдовали собственнымъ удовольствіямъ. Но Богъ всего, т. е. Богъ и Отецъ предалъ Своего Сына, чтобы освободить насть отъ вины и чрезъ вѣру въ Него спасти. Зная это самъ Христосъ говоритъ: такъ возлюбилъ Богъ міръ, что

отдалъ Сына Своего единороднаго, чтобы всякий вѣрующій въ Него не погибъ, но имѣлъ жизнь вѣчную" (Иоан. III, 16) ¹⁾.

Но какое основаніе имѣлъ Іегова для того, чтобы возложить на Своего Раба грѣхъ всѣхъ насть? Это пророкъ изъясняетъ въ слѣдующемъ стихѣ. Если въ истинно нравственномъ человѣкѣ вѣшнее поведеніе соответствуетъ внутреннему его настроенію, то терпѣливо, покорное перенесеніе страданій Рабомъ Іеговы, описываемое пророкомъ въ слѣдующемъ стихѣ, показываетъ, что Рабъ Іеговы Самъ добровольно и охотно взялъ на Себя возложенное на Него Богомъ страданіе.

Ст. 7. *И той зане озлобленъ быстъ, не отверзаетъ устъ своихъ: яко овча на заколеніе ведеся, и яко агнецъ предъ стригущимъ его безгласенъ, тако не отверзаетъ устъ своихъ.*

Различно переводятъ и придаютъ различный смыслъ словамъ: *ועַל־עֲזָבֵן־שׁׂרֵךְ*. Какъ кажется, LXX опустили первое слово *שׁׂרֵךְ*, можетъ быть, усмотрѣвъ въ немъ тавтологію съ послѣдующимъ *שׁׂרֵךְ*. Опустивъ первое слово стиха, они перевели: *καὶ αὐτὸς διὰ τὸ κεκαθόσαι*, что вѣрно передано въ слав. Бібліи словами: *и той, зане озлобленъ быстъ*. Геронимъ переводить это слово, по читается не съ *сикъ*, а съ *шикъ*, и такъ какъ здѣсь стоитъ страд. форма (нифаль), то онъ переводить: *oblatus est*: Онъ былъ принесенъ въ жертву. Согласно съ этимъ переводомъ Симмахъ: *проступчұт*. О такомъ чтеніи Гезеніусъ справедливо замѣчаетъ: *"выраженіе שׁׂרֵךְ*, которое имѣютъ вульгата, сирскій, халдейскій и 5 кодексовъ, не даетъ никакого приличнаго смысла, такъ какъ о жертвѣ здѣсь совсѣмъ нѣть рѣчи²⁾.

Послѣдующее слово *עַל־* понимаютъ также различно. Гезеніусъ, сравнивая это слово съ лат. *Isque*, дасть значеніе: *"хотя Онъ"*, *"который и безъ того"* и переводить: *"былъ истязаемъ тотъ, который и безъ того былъ уже измученъ"*. Но противъ этого Гофманъ и Гитцигъ съ правомъ замѣчаютъ, что такой переводъ не даетъ никакого разумнаго смысла, а Генштейнбергъ, — что тогда трудно будетъ опредѣлить различіе между *ועַל* и *שׁׂרֵךְ*. Это замѣ-

¹⁾ Cyrilli Alexandr. operam. T. II, p. 746.

²⁾ Philologisch-kritisch. u. historisch. Commentar. u. Iesaias, 2-ter Th. S. 181.

чаніе Генстенберга справедливо, равно какъ справедливо и то, что смыслъ перевода Гезеніуса не подходитъ къ мысли пророка, какъ послѣднюю можно опредѣлить уже и по общей связи рѣчи. Дѣйствительное значеніе **נִזְלָחַ** можетъ опредѣлить различіе между **לִזְלָחַ** и **לִזְלָחֵךְ** по ихъ точному значенію. Послѣднее, по употребленію его въ священныхъ книгахъ, значить быть изнурену тѣлесно (1 Цар. XIV, 24) или духовно, т. е. находиться въ уныніи, упасть духомъ (1 Цар. XIII, 6). Первое въ формѣ **נִזְלָחַ** значить: смигаться предъ кѣмъ, т. е. означаетъ страданіе покорное, терпѣливо. Этимъ значеніемъ глаголовъ опредѣляется здѣсь и значеніе ¹: оно обозначаетъ противоположеніе: Онъ былъ истязаемъ, т. е. мучимъ жестоко и безчеловѣчно, но не смотря на это смирялся предъ своею судьбой, т. е. переносилъ страданія кротко, терпѣливо и покорно, и далѣе сравненіемъ изображается Его терпѣливо, безропотное, добровольное страданіе.

Образы, которые пророкъ употребляетъ для описанія покорнаго, терпѣливаго страданія Раба Іеговы, встрѣчаются въ священныхъ книгахъ при изображеніи кроткаго, безропотнаго перенесенія страданій праведника. Пророкъ сравниваетъ душевное настроеніе Раба Іеговы съ вѣшнимъ кроткимъ поведеніемъ **агнца** предъ стригущимъ его и овцы, ведомой на закланіе. Подобнымъ образомъ Іеремія описывалъ расположение своего духа во время страданій, причиненныхъ ему угрозами и оскорбленими жителей Аналоа: И, какъ незлобивый агнецъ, ведомый на закланіе, не зналъ, что они злоумышляютъ на меня (Іер. XI, 19). Кротость, незлобіе и терпѣніе, проис текающія изъ вѣры въ Бога и покорности Ему, всегда составляли отличительную черту страданій праведника. Ни Давидъ, ни Іеремія и никакой другой страдалецъ - праведникъ, бывшій предметомъ преслѣдованія, злобы и коварства враговъ, никогда не питали въ своемъ сердцѣ тѣхъ же чувствъ, какія питали къ нимъ ихъ враги, никогда не желали причинить имъ вредъ. Но ихъ кротость и терпѣніе имѣли предѣлы: сами не мѣя врагамъ, они молили Бога объ отмщениіи (Іер. XI, 20; Пс. XXVI, 1; XLIII, 1; XXXIX, 15—19). Не таکъ изображаетъ пророкъ кротость и незлобіе Раба Іеговы. Послѣдній представляетъ собою совершенное

незлобіе и долготерпініе; Онъ не молится Іеговѣ объ отищенніи мучителямъ — и этимъ Онъ неизмѣримо возвышается надъ всѣми другими страдальцами - праведниками. И только съ этими чертами изображаетъ Его пророкъ.

Яко овча на закланеніе ведеся и яко агнецъ предъ стригущимъ его безгласенъ, тако не отверзаетъ устъ Своихъ.

Гезеніусъ такъ переводить эти слова: какъ агнецъ, ведомый на закланіе и какъ овца предъ стригущимъ и безгласна и не отверзаетъ устъ своихъ¹⁾). Такое пониманіе текста допускается Лютеръ и, какъ кажется, вульгата: et quasi agnus coram tondente se obmutescat, et non aperiet os suum. Но противъ такого пониманія говорить во 1-хъ мазоретская пунктуація: въ словѣ **גְּמַלֵּן** стоитъ *атнахъ*, знакъ, который отдѣляетъ одну половину сравненія отъ другой, а во 2-хъ такъ какъ **לָבֶן** (агнецъ) ж. р., то следовало бы ожидать не **מִתְפָּרָה** (м. р.), но **מִתְפָּרָה** (ж. р.), какъ и стоитъ **גְּמַלֵּן**, согласованное съ **לָבֶן**. Поэтому переводъ LXX справедливѣе: *καὶ φῶς ἄμνος ἐνάντιον τοῦ κερουτος αὐτῷ ἀφωνος. οὐτως δέκα ἀνείγει τό στόμα αὐτοῦ.*

Древніе христіанскіе толкователи Кириллъ Александрійскій²⁾, Иеронимъ³⁾, Оеодоритъ⁴⁾ понимаютъ эти слова, какъ пророчество о поведеніи І. Христа на судѣ первосвященника, Ирода и Пилата (Мо. XXVI, 62—63; XXVII, 12—14; Мр. XV, 3—5; Лук. XXIII, 9; Иоан. XIX, 9—10). Это толкованіе признаютъ и новые западные комментаторы, напр. Штиръ и Дреекслеръ. И дѣйствительно, изображенное здѣсь пророкомъ состояніе раба Іеговы такъ сходно съ повѣствованіемъ евангелистовъ о поведеніи І. Христа во время суда, что эти два описанія какъ бы сами просятся на сопоставленіе. Но для того, чтобы удержать смыслъ этого пророчества, какъ онъ опредѣляется связью рѣчи въ проповѣди Исаіи, нужно понимать его не только о самомъ вынужденномъ фактѣ молчания І. Христа на судѣ, но вмѣстѣ и по

¹⁾ Philologisch-kritisch. u. histor. Comment. u. Jesaja, 2 Th. S. 182.

²⁾ В. Сирілі Ал-Андр. т. II, р. 746—717.

³⁾ Нес. пурі орегум т. III, col. 385.

⁴⁾ В. Таєодореті, т. II, р. 118.

отношению къ внутреннему смыслу, который заключается въ этомъ фактѣ. Величественное спокойствие І. Христа на судѣ, рѣзко отличавшее его отъ всѣхъ другихъ страдальцевъ за правду, показывало въ Немъ совершенное незлобіе, кротость и терпѣніе, пристекавшія въ Немъ изъ полной покорности Богу, Отцу Своему, изъ глубокаго познанія Имъ человѣческой души и изъ всеобъемлющей любви Его къ людямъ. Іегова возложилъ на Него грѣхъ всѣхъ настъ, и Онъ покорно взялъ на Себя понести тажесть грѣха всего человѣчества; смирилъ Себя, бывъ послушнымъ даже до смерти и смерти крестной (Фил. П, 8). Такимъ образомъ какъ въ поведеніи І. Христа во время суда, такъ и здѣсь у пророка выражена одна и также черта нравственнаго характера І. Христа, слѣд. приведенное пами пониманіе данного мѣста пророчества справедливо.

Пророкъ изображаетъ здѣсь послушаніе Мессіи Іеговѣ, какъ послушаніе раба своему господину—таково несовершенство ветхозавѣтий точки зрѣнія. Новый Завѣтъ раскрылъ это точнѣе, обозначивъ отношеніе Христа къ Своему Отцу, какъ свободное послушаніе Сына волѣ Отца, каковая мысль впрочемъ, хотя не такъ ясно, просвѣчивается уже и у пророка въ способѣ его выраженія: Онъ самъ добровольно не отвергалъ усть Своихъ. Это свободное подчиненіе волѣ Іеговы показываетъ, что Онъ самъ признаетъ необходимость страданія и понесенія наказанія за человѣчество, каковое рѣшеніе могло пристекать не изъ какого иного основанія, какъ изъ любви Его къ Іеговѣ и къ людямъ. | Позволимъ себѣ еще болѣе прояснить мысль пророка новозавѣтиными событиями, ее оправдавшими. Только ясное проникновеніе Христа въ человѣческую душу, только всеобъемлющая любовь Его къ людямъ, ставшимъ рабами грѣха, могли вселить въ Немъ то незлобіе, кротость и долготерпѣніе, которыхъ сопровождали Его во все время суда и страданій и которыхъ на крестѣ вызвали молитву: *Отецъ! прости имъ; они не знаютъ, что дѣлаютъ.*—Эта черта нравственнаго характера Раба Іеговы имѣть существенное значеніе для объясненія какъ предыдущихъ, такъ и послѣдующихъ мыслей пророка. Она во 1-хъ объясняетъ предыдущія мысли пророка, показывая

основаніе, почему Іегова возложилъ на своего Раба грѣхъ всѣхъ насъ и почему Его Рабъ принялъ на Себя наказаніе для спасенія нашего. Это было Его собственное желаніе, имѣвшее для себя основаніе въ любви Его къ людямъ. Это было далѣе послушаніемъ Его Іеговы, проистекавшимъ изъ любви къ Нему.^{1/4} Во 2-хъ изл.-^{1/4} жепнай чертѣ нравственнаго характера Раба Іеговы объясняетъ намъ послѣдующія мысли пророка. Въ послѣдующихъ стихахъ (8—12) пророкъ говоритъ, что Іегова изъаль Своего Раба изъ руки грѣшниковъ и прославилъ Его—и это было возмездіемъ со стороны Бога Своему Рабу за Его подвигъ. Но возмездіе можетъ быть воздаваемо только за подвигъ добровольный, за дѣло нравственно-свободное. Ясно ставить въ причинное отношеніе оба эти факта апостоль, когда пишеть: *смирилъ себя, бывъ послушнымъ да же до смерти и смерти крестной; посему и Богъ Его превознесъ и пр.* (Фил. II, 8—11).

^{1/4} Со ст. 8 по 12-ю Исаія пророчествуетъ о тѣхъ слѣдствіяхъ, которыхъ произошли изъ совершенного Рабомъ Іеговы дѣла. Эти слѣдствія можно обозначить общимъ именемъ возмездія, которое далъ Іегова Своему Рабу за Его подвигъ. Возмездіе за страданіе начинается тѣмъ, что Іегова чрезъ смерть освобождается Своего Раба отъ страданій, а Его тѣло удостоиваетъ почетнаго погребенія во гробѣ богатаго. Во 2-хъ Іегова объщаетъ Своему Рабу потомство, общество Его читителей, среди котораго вѣчно будетъ жить Самъ Рабъ Іеговы и Самъ будеть руководить нравственную жизнью Своего общества, вѣдѣствие чего воля Іеговы въ этомъ обществѣ будетъ совершаться успѣшно. Его собственная жизнь среди Своего общества будетъ блаженнымъ созерцаніемъ послѣдствій перенесенныхъ Имъ страданій. Іегова вручаетъ Ему судьбу людей: Рабъ Іеговы оправдастъ многихъ и грѣхи ихъ на Себѣ понесетъ. Число вѣрующихъ въ Него будетъ многочисленно. Во всемъ этомъ и состоитъ прославленіе Раба Іеговы.

^{1/4} Теперь бы непосредственно намъ слѣдовало приступить къ самому изъясненію послѣдней части рассматриваемаго пророчества. Но для полнаго уясненія предмета считаемъ не лишнимъ еще разъ оглянуться назадъ, на все пророчество и сдѣлать нѣкото-

рыя краткія замѣчанія. Если ст. 2—7, ЛП изображаютъ страданія Раба Іеговы, по ст. 8—12—Его прославленіе, причемъ ст. 13—15, ЛП представляютъ собой какъ бы введеніе въ пророчеству, гдѣ изъясняются основныя мысли, подробно развитыя въ ЛП главѣ. И при этомъ замѣчательна постепенность, съ которой пророкъ вводитъ читателя въ свое изображеніе судьбы Раба Господня. Сначала въ 13 ст. онъ въ краткихъ и общихъ чертахъ изображаетъ всю сущность своего пророчества; затѣмъ въ ст. 14—15 онъ яснѣ и подробнѣе раскрываетъ свой предметъ, и здѣсь кончается вступленіе. Ст. 1-й ЛП составляетъ какъ бы связь и переходъ отъ вступленія къ полному изложению предмета. Такимъ образомъ величественное по содержанію пророчество Исаи оказывается замѣчательнымъ и по формѣ. Стройность и послѣдовательность отмѣчаютъ собой форму пророчества. Языкъ пророка живъ и образенъ, и при этомъ онъ кратокъ, сжатъ и точенъ. Таковы внешнія достоинства пророчества, такова его форма.

§ 73 ПРОСЛАВЛЕНІЕ РАБА ІЕГОВЫ.

Ст. 8. *Во смиреніи судъ Его взялся: родъ же Его кто исповѣсть? Яко вземлется отъ земли животъ Его; за беззаконіе моей ведеся на смерть.*

Во смиреніи судъ Его взялся. Славянскій текстъ этихъ словъ составляетъ вѣрный переводъ греческаго LXX: ἐν τῷ ταπειψεις ὃ κρίσις αὐτοῦ ἥρθη. Текстъ LXX представляетъ невѣрный переводъ еврейскаго текста, и не трудно понять, какъ произошѣлъ невѣрный греческій переводъ. **נִמְצָא תַּחֲנוֹן**— вотъ что стоить въ подлинникеъ. Предлогъ **לְ** очевидно относится къ обоимъ существительнымъ (**תַּחֲנוֹן**—узы и **דָּבָר**—судъ), соединеннымъ частицей **וְ**: но переводчикъ отнесъ этотъ предлогъ только къ первому слову, опустивъ безъ вниманія **וְ**; самое **לְ** переведено здѣсь по подобію ЛП, 2: **ἐν τῇ διφωσῃ**—**בְּדָבָר**. И действительно, когда **לְ** употребляется въ причинномъ значеніи (а некоторые даже современные переводчики и комментаторы въ этомъ значеніи принимаютъ **לְ** и здѣсь), то оно имѣть значеніе подобное **ἐν**; хотя **לְ** точно и не соответствуетъ **ἐν** (точно оно соответствуетъ **ὑπό**),

но смыслъ выходить приблизительно такой же: во смиренії, т. е. чрезъ смиреніе, изъ за смиренія. Однакоже большая часть комментаторовъ находитъ наиболѣе точнымъ придать здѣсь **п** его корениое значение, потому что между прочимъ этому значенію наиболѣе соотвѣтствуетъ и форма и значеніе **п**.

Во смиреніи — **צְעַד** — **צָעַד** (отъ **צָעַד** замыкать, затворять, стѣснить) обозначаетъ виѣшнее угнетеніе чрезъ темницу и узы (Гофманъ), по самаго мѣста заключенія, темницы не обозначаетъ; поэтому въ лондон. и вѣнскомъ русскомъ переводѣ Библии неправильно: темница и судъ похитили Его.

Судъ Его — **מִשְׁפָּט** — судъ, судопроизводство, или какъ толкуетъ Деличъ, несправедливая юстиція.

Взятся — **נִסְתַּחֲרָה** — стр. форма — быть взяту — преимущественно употребляется въ тѣхъ случаяхъ, когда говорится о взятіи отъ земли живыхъ, о смерти, и преимущественно о смерти праведныхъ, о переселеніи къ Богу на небо; этотъ глаголъ употребленъ при описаніи взятія къ Богу Эноха и Иліи (Быт. V, 24; 4 Цр. II, 9—10). Итакъ дается мысль: отъ притѣсненія и суда Онъ изъять, или яснѣе: взять къ Богу.

Человѣкъ, вѣрующій въ божественное міроправленіе и промышеніе Божіе о судьбѣ людей и въ особенности праведныхъ, видя невинное страданіе праведника, склоненъ думать, что за страданіемъ праведника послѣдуетъ божественное воздаяніе, что Господь долженъ избавить его отъ страданій, наградить его за причиненный злобою и неправдою людей мученіемъ. Уже самая смерть, какъ прекращеніе земныхъ страданій, есть божественная награда праведнику. Но смерть праведника, какъ она понимается на языке библейскомъ, есть отшествіе къ Богу, переселеніе туда, гдѣ судьба праведника не будетъ болѣе зависѣть отъ злобного произвола людей, но будетъ находиться въ рукѣ Божіей, въ праведной Божіей десницѣ, награждающей праведника за его страданія блаженствомъ. Такова именно и судьба Раба Господня. Иль мученій и несправедливаго суда Онъ изъять Еговою и переселенъ къ Нему для блаженства съ Нимъ, невозмущаемаго страданіями, причиненными злобою людей.

Итакъ Рабъ Іеговы умеръ... Его враги могли подумать, что съ Его смертью умреть и Его имя и Его дѣло; что ли для нихъ и ни для кого другаго Рабъ Господень больше не существуетъ. Они вообразили Его смертнымъ человѣкомъ, который перестаетъ существовать для общества, какъ скоро онъ умираетъ, по крайней мѣрѣ перестаетъ существовать и влиять на общество, какъ живое лицо, непосредственно, силой своего личнаго духа. Но они ошиблись. Предъ ними былъ не простой человѣкъ, начинаящій свое существованіе во времени и во времени кончавшій его. Предъ ними былъ Тотъ, жизнь и происходженіе Котораго для вихъ не-постижимы; да и для кого онъ постижимы? О родѣ Его... кто скажетъ? да и кто можетъ помыслить?

Родъ же Ею кто исповѣстъ?

Уже блаженныи Іеронимъ зналъ два объясненія этихъ словъ: одни понимали ихъ о предвѣтномъ рожденіи І. Христа отъ Отца, другіе о временномъ Его сверхъестественномъ рожденіи отъ Дѣви. Самъ Іеронимъ склонялся къ первому пониманію¹⁾. Въ настоящее время толкованія на это мѣсто стали еще болѣе разнообразны, причиною чего служить широта въ значеніи слова **родъ**. **родъ** (отъ **вращаться** въ кругу времени или пространства) имѣть два основныхъ значенія: періодъ времени и обитаніе въ кругу пространства. Изъ первого основнаго значенія выходятъ слѣдующія частныя: слово это обозначаетъ періодъ жизни человѣка (Іех. XXXVIII, 12), затѣмъ періодъ времени, въ который живетъ цѣлое поколѣніе. А потомъ отъ понятія времени, въ которое живетъ поколѣніе, дѣлается переходъ къ понятію о самомъ поколѣніи, которое живетъ въ извѣстный періодъ времени — **родъ** обозначаетъ родъ въ смыслѣ поколѣнія, и не только въ смыслѣ настоящаго поколѣнія (Быт. VI, 9; Числь XXXII, 13), но и въ смыслѣ поколѣнія прошедшаго и будущаго (Іс. LVIII, 12; LXI, 4; Екл. I, 4; Іс. CXIX, 13). Поэтому **родъ** получаетъ значеніе: современники, предки, потомки. Отъ втораго основнаго значенія этого слова происходятъ производныя: жилище, жилище отцовъ, т. е. могила, гробъ.

¹⁾, В. Ніегопумі оригиналъ т. III, col. 386.

¶⁴. Принимая за пригодное въ данномъ случаѣ то или другое изъ указанныхъ нами значеній этого слова, комментаторы различно понимаютъ рассматриваемую нами мысль пророка. Лютеръ и Витрина принимаютъ здѣсь слово **“^{נֶגֶל}** въ его коренному значеніи: періодъ жизни: кто знаетъ дѣйствительную долготу жизни Раба Іеговы? Гезеніусъ и Деличъ переводятъ слова пророка такъ: и между Его современниками кто бы могъ подумать: Онь взять отъ земли живыхъ и проч. Штиръ и Негелсбахъ понимаютъ здѣсь **“^{נֶגֶל}** въ значеніи потомства: Рабъ Іеговы умеръ; но кто можетъ высказать и помыслить о поколѣніи, имѣющемъ произойти отъ Него? т. е. кто могъ бы предполагать, что этотъ Рабъ Господень, который покончилъ Свое земное существованіе, все-таки будетъ жить въ лицѣ потомства, имѣющаго отъ Него произойти, т. е. въ лицѣ вѣрующихъ въ Него. Кнобель понималъ это мѣсто такъ: кто подумаетъ, какъ мало нужно Ему мѣста для могилы, которая будетъ Его жилищемъ. Это самое безосновательное пониманіе. Если бы **“^{נֶגֶל}** и обозначало гробъ, то слова: „а гробъ Его? кто подумаетъ и выскажетъ о немъ“ все-таки не давали бы мысли Кнобеля. Что касается мнѣнія Гезеніуса и Делича, то оно неестественно, потому что развѣ современники могли удивляться, что взять отъ земли Тотъ, Кто былъ предметомъ постояннаго презрѣнія, нападокъ и гоненія, кто былъ человѣкомъ, смерти которого постоянно искали? Не болѣе состоятельно мнѣніе и тѣхъ, которые подъ родомъ Раба Господня разумѣютъ здѣсь потомство, имѣющее отъ Него произойти. При такомъ пониманіи слова „родъ“ связь настоящей мысли съ предыдущей будетъ неудовлетворительна. Отъ мученій Рабъ Господень взять къ Богу; но кто могъ бы подумать о томъ, что Онь будетъ жить въ лицѣ потомства? Пророкъ очевидно хотѣлъ высказать ту мысль, что со смертью Раба Господня существованіе послѣдняго не кончается; оно окончилось только повидимому; но на самомъ дѣлѣ Рабъ Господень существуетъ. Но вѣдь не нужно забывать, что для Раба Господня (повидимому) окончилось личное существованіе; и если пророкъ хочетъ сказать, что это только повидимому оно окончилось, а на самомъ дѣлѣ иѣть, то естественнѣе ожидать, что этому видимому концу личной жизни

пророкъ противопоставить личное же дѣйствительное существование и послѣ видимой смерти. Защитники разматриваемаго мнѣнія хотятъ обосновать свое пониманіе на общемъ ветхозавѣтномъ представлѣніи о непрекращающемся и послѣ смерти существованіи человѣка. Но воззрѣніе на этотъ предметъ у нихъ ложно. По ихъ мнѣнію, въ ветхомъ завѣтѣ не было понятія о личномъ продолженіи жизни по ту сторону; человѣкъ можетъ продолжать свою жизнь только чрезъ потомство; по этой причинѣ умереть безъ потомства для ветхозавѣтнаго человѣка значило тоже, что погибнуть; и наоборотъ многочисленное, необозримое потомство равносильно вѣчной жизни. Поэтому-то Рабу Господню, Котораго люди хотѣли искоренить, но Которому Іегова опредѣлилъ вѣчно существовать, Іегова обѣщаетъ потомство — **“и”**, а не **“и”**, потому что **“и”** обозначаетъ потомство, происходящее путемъ естественнаго рожденія, а Своему Рабу Господь обѣщаетъ потомство особаго рода. И кто можетъ помыслить и сказать о существѣ и родѣ этого потомства? ¹⁾ Ложна та мысль, будто по ветхозавѣтному воззрѣнію не было никакого продолженія личной жизни по смерти и что единственno возможна была дальнѣйшая жизнь только чрезъ потомство. Не говоря уже о книгѣ Іова и Экклезіастѣ, гдѣ мысль о бессмертіи души ясно выражена, въ книгѣ Бытія эта истина уже просвѣчиваєтъ и предполагается въ повѣствованіи о томъ мирѣ и спокойствіи, въ которомъ ветхозавѣтные царіархи прелагались къ роду своему. Итакъ если основаніе, па которомъ покояится разматриваемое мнѣніе, оказывается ложнымъ, то и мнѣніе, покоящееся на этомъ основаніи, становится безосновательнымъ. Вѣроятнѣе четвертое мнѣніе, по которому Господь обѣщаетъ Своему Рабу продолженіе личной жизни. Но форма, въ которой выражена мысль у пророка, даетъ замѣтить, что пророкъ хотѣлъ сказать нечто болѣе, чѣмъ то, что Рабъ Господень и послѣ смерти будетъ лично существовать. Сказавши: „а о родѣ Его... кто можетъ помыслить и сказать?“ пророкъ очевидно такою формою выраженія хотѣлъ указать на особенно знаменательную черту въ существѣ Раба Гос-

¹⁾ Der Prophet Iesaias, von Naegelsbach, S. 616.

подня; тогда какъ мысль о потустороннемъ личномъ продолженіи жизни Раба Господня не заключаетъ въ себѣ ничего особенно знаменательнаго: такова и судьба всякаго. } Остается предположить съ змѣй древними христіанскими толкователями, что пророкъ хотѣлъ указать этимъ вопросомъ на вѣчное происхожденіе Мессіи отъ Бога; юдеи думали, что смертью Рабъ Господень покончилъ свое существованіе, по никто изъ нихъ не знаетъ, что, какъ Онъ не начинать жить, такъ и не умеръ по Своему вѣчному существу. И мысль о вѣчномъ происхожденіи Мессіи встрѣчается не только у Исаїи; такъ у Михея ясно сказано: происхожденіе Мессіи отъ начала, отъ дней вѣчныхъ (V, 2; ср. Пс. CIX, 4). } По кто бы могъ подумать объ этомъ въ то время, когда Мессія былъ отрѣзанъ отъ земли живыхъ?

3) *Яко вземлется отъ земли животъ Ею.*

Вземлется— **לֹא** отъ **לְאָה** отсѣкать, обособлять (2 Пар. XXVI, 20), однимъ словомъ дается понятіе острого и ровнаго сѣченія. Онъ отрѣзанъ.

Отъ земли животъ Ею, **מִן־עַמְלָתֶךָ**—земля, какъ жилище людей, живущихъ въ тѣлѣ (Втор. XII, 1; XXXI, 13; 3 Цр. VIII, 40) и стоять въ противоположность съ шеоломъ, жилищемъ людей, отрѣзанныхъ отъ земли (Іов. XXVIII, 13; Ис. XXVII, 13; Іер. XI, 19)— отъ земли живыхъ.

4) *За беззаконіе людей моихъ ведется на смерть.* Нѣкоторые переводчики слова: „за беззаконія людей моихъ“ относятъ къ предыдущему и переводятъ: Онъ сѣкается съ земли живыхъ за преступленія народа Моего, пріемлетъ казнь ихъ (Архим. Макарій). Но нѣть никакого основанія ве слѣдоввать здѣсь мазоретскому тексту, съ которымъ въ данночъ отношеніи согласны LXX, вульгата, Лютеръ, русскіе—синодскій, лондонскій и вѣнскій переводы Бібліи и многіе комментаторы: Гезеніусъ, Деличъ, Штиръ, Гитцагъ, Кнобель, Дреxлеръ и др. ¹⁾.

5) *На смерть.* Въ мазоретскомъ текстѣ стоять **לְאָה** а LXX читали **λαθεῖν** и перевели: *εἰς θάνατον.* На основаніи этого чтенія

¹⁾ См. Dr echsler, Der Prophet I-sai, S. 205.

LXX некоторые толкователи думаютъ, что во всѣхъ прежнихъ кодексахъ стояло это именно слово, но только конечное Г уже впослѣдствіи опущено. Въ доказательство своего мнѣнія они ссылаются на то, что ученый іудей, съ которымъ спорилъ объ этомъ иѣстѣ Оригенъ, не указалъ ему иного чтенія въ еврейскомъ текстѣ словъ: εἰς θάνατον, равно какъ объ этомъ не упоминалось и самъ Оригенъ. Но это обстоятельство объясняется очень просто изъ другихъ основаній. Извѣстно, что александрийскіе іудеи того времени въ большинствѣ случаевъ плохо знали еврейскій языкъ, да и самаго Оригена не выдаютъ за специалиста этого языка. Въ кодексахъ Симмаха и Феодотіона стоитъ θάνατον; также читать это слово и Еронимъ; въ настоящее время это чтеніе не оспаривается. Итакъ вторую половину стиха должно перевести: потому что Онъ отрѣзанъ отъ земли живыхъ: за грѣхи народа Моего Онъ принялъ язвы (буквально: за грѣхи народа Моего были язвы Ему). Еронимъ въ объясненіе этихъ словъ пишетъ: „Онъ былъ веденъ на смерть по причинѣ множества грѣховъ Своего народа, который Онъ считалъ всегда Своимъ, чтобы Свою смертю возвратить ихъ къ вѣчной жизни“¹⁾.

Въ послѣдующемъ стихѣ пророкъ приводить и описываетъ погребеніе Раба Господня, и указываетъ одну изъ причинъ того почетнаго погребенія, котораго Иегова удостоилъ Своего Раба.

Ст. 9. *И дамъ лукавыя омъсто погребенія Его и богатыя омъсто смерти Его, яко беззаконія не сотвори, ниже обрѣтесь лесть во устѣхъ Его.*

И дамъ—Εἰ (3 л. imperf.). Гдѣ здѣсь подлежащее? Можно бы подумать, что подлежащимъ здѣсь служить πόνοι, по волѣ и совѣту Котораго произошли, какъ страданія Его Раба, такъ и вся Его дальнѣйшая судьба. Но по теченію мыслей пророка видно, что онъ только въ слѣдующемъ стихѣ представляетъ Иегову высказывающимъ непосредственныя опредѣленія о Своемъ Рабѣ, а здѣсь ближайшую причину всего происшедшаго является не Иегова, а кто-то другой. Поэтому приличнѣе было бы здѣсь считать подле-

¹⁾ В. Ніегопумі орегут т. III, сол. 336.

жащимъ ^{на} 8-го — народъ іудейскій, который безъ сомнѣнія намѣревался дать Христу място для могилы вмѣстѣ съ распятими со Христомъ злодѣями. Но по строенію рѣчи такое пониманіе отдаленно, потому что ^{на} въ предъидущемъ предложении служить не подлежащимъ, а опредѣленіемъ, и еслибы это слово служило здѣсь подлежащимъ, то приличнѣе было бы ожидать его повторенія. Поэтому находять лучшимъ разумѣть здѣсь субъектъ ^{ибо} неопредѣленный и переводить безличнымъ предложеніемъ: и назначаютъ, и даютъ. LXX переводятъ ^и первымъ лицемъ — бѣсѣ. Филологическихъ оснований для такого перевода пять никакихъ, и трудно предположить, чтобы они здѣсь смыслили 3-е л. съ первымъ, когда послѣднее такъ характерно отличается ^и; самоеѣроятное, что они намѣренно допустили здѣсь неточность, желая для живости рѣчи заставить говорить самое лицо — но какое именно: Іегову или Его Раба? Очень можетъ быть, что слова: „за беззаконія народа Моего“ понимали, какъ слова Іеговы; а послѣ этого несомнѣнно, что я рѣчь, начинающуюся словами ^и бѣсѣ и пр. они приписывали Іеговѣ. Но впослѣдствіи имѣвшіе способность и желаніе проверить переводъ LXX по подлиннику замѣтили эту неправильность, довольно рельефную, и поставили въ своихъ кодексахъ вмѣсто бѣсѣ — бѣсѣ. Уже Феодоритъ видѣлъ три такихъ кодекса, и самъ слѣдовавъ послѣднему чтенію, разумѣя при этомъ подлежащимъ: бѣсѣ; Коріо¹). Точно также читалъ Иеронимъ²).
³ Лукавыя вмѣсто погребенія Его и богатыя вмѣсто смерти Его.

LXX ^{בְּעַשְׂרָתָן} и ^{בְּשֻׁבְעָתָן} принимали за простой вин. падежъ, а предлогъ ^и читали и предъ ^{בְּרִבְעָתָן}, принимая ^и въ значеніи: за, вмѣсто; и смыслъ вышелъ совсѣмъ не такой, какой дается правильнымъ переводомъ еврейского текста: по LXX — Самъ Іегова, а по вульгатѣ — Его Рабъ изрекаютъ здѣсь Свое опредѣленіе на мучителей и убийцъ Праведника, изрекаютъ Свой судъ за гробъ и смерть Его. Древніе толкователи, слѣдовавшіе чтенію LXX, даютъ и подробное историческое истолкованіе этой мысли. Такъ Феодоритъ

¹⁾ В. Theodoreti operam t. II, p. 115.

²⁾ В. Hieronymi operam t. III, col. 386.

пишеть: Самъ пострадавшій предалъ народъ іудейскій роковой войнѣ А богатыми онъ назваль книжниковъ, фарисеевъ и первосвященниковъ, ихъ же разумѣть и подъ злодѣями; ибо они грабили имущество всѣхъ ¹⁾). Подобное же объясненіе даетъ и Ероинъ. Но онъ предсталяетъ и другое толкованіе: „злыми и худшими обозначается множество язычниковъ; а подъ богатыми разумѣется іудейский народъ. Итакъ ради того пострадалъ Господь, чтобы изъ того и другаго составить Себѣ церкви“ ²⁾.

Но съ еврейскаго надо переводить такъ: назначаютъ гробъ Ею съ злодѣями, а по смерти Ею — у богатаю.

Многіе переводчики и комментаторы, считая **עַשְׂתָּה** и **תִּשְׁעַת** за синонимы, принимаютъ самыя мысли за параллельныи. Подобный смыслъ дается уже переводомъ LXX, вульгатою и Лютеромъ. Послѣдній переводитъ: Онь погребенъ какъ безбожникъ и умеръ какъ богачъ. Мартинъ и Копиц, по сличенію съ соотвѣтственными арабскими словами, даютъ **תִּשְׁעַת** значеніе — грѣшникъ, злодѣй. Новыя основанія для этого думаютъ находить въ еврейскомъ міровоззрѣніи, по которому будто бы богатство неразрывно связано съ злодѣяніемъ и гордостію, а бѣдность служить принадлежностью смиренія, благочестія и добродѣтели. Равнымъ образомъ подтвержденіемъ синонимического значенія рассматриваемыхъ словъ служитъ и ихъ вокальное сходство: стоять только переставить въ нихъ буквы обратнымъ порядкомъ, чтобы вышло изъ одного слова другое. Но дѣло вотъ въ чёмъ. Тѣ, которые принимаютъ **עַשְׂתָּה** и **תִּשְׁעַת** за синонимы, не достигаютъ своей цѣли: одна мысль все-таки остается не параллельной другой; по крайней мѣрѣ параллелизмъ тутъ не ясенъ и сомнителенъ. Въ словахъ: „Ему даютъ гробъ между злодѣями“ заключается та мысль, что Раба Господня лишаютъ честнаго и почетнаго погребенія; а въ словахъ: „и по смерти Своей Онь у безбожника“ подобной мысли нѣтъ, потому что будь приготовлена Ему могила у человѣка безбожнаго или богообязненнаго — все равно Онь можетъ удостоиться почетнаго погребенія. Но говорять, что

¹⁾ B. Theodoreti operum t. II, p. 115.

²⁾ B. Ніегодуці оперум t. III, col. 386.

этотъ безбожникъ у пророка представляется умершимъ, какъ и злодѣи первой половины полустишия и что следовательно Рабъ Іеговы представляется положеннымъ вмѣсть съ этимъ безбожникомъ. Однако же фраза: „по смерти Своей Онъ у богатаго“ можетъ давать и тотъ смыслъ, что Онъ находится во гробѣ, при надлежащемъ богачу, хотя самъ богачъ въ немъ еще и не лежитъ.) Далѣе вѣтъ никакого препятствія принять **נֶשׁוּ** просто въ значеніи богача, каковое значеніе это слово несомнѣнно имѣть. Правда, что богачъ въ Библіи представляется иногда, какъ человѣкъ безбожный; но съ тѣмъ вмѣстѣ всюду его богатство изображается какъ скоротечное, ненадежное. Вмѣстѣ съ тѣмъ примѣръ Йова и многія изрѣчения Библіи обѣщаютъ и праведнику богатство, и богатство прочное, покровительствуемое Іеговою. Поэтому большая часть новыхъ комментаторовъ Штиръ, Гептенбергъ, Деличъ, Дрекслеръ, Негелсбахъ и др. считаютъ **נֶשׁוּ** по своему значенію не сходнымъ, а несравнимымъ съ **עַמְּלָה**¹⁾.

Вмѣсто смерти Его—נֶשׁוּ. Вопреки мазоретскому тексту З кодекса вмѣсто **נֶשׁוּ** читали **נֶשֶׁבָּה** — холмъ его. Въ значеніи слова хотѣли видѣть указаніе на могильный холмъ, и слово становилось бы синонимическимъ съ **נֶשֶׁבָּה**; но **נֶשֶׁבָּה** не значить могильный холмъ; поэтому первое чтеніе предпочтительнѣе. Итакъ мы защищали мысль, что въ разсмотрѣнномъ полустишии говорится о честномъ и почетномъ погребеніи Раба Господня, совершившемся вопреки намѣренію Его убийцъ. Почетное погребеніе всегда, почти у всѣхъ народовъ древняго и новаго міра служитъ знакомъ уваженія къ умершему, любви къ нему. Поэтому почтить въ мирѣ, быть похороненнымъ съ отцами своими было всегда завѣтнымъ желаніемъ умирающаго. Такъ какъ честное и почетное погребеніе указываетъ на честность и почетность умершаго лица, то злодѣевъ издавна лишали такого погребенія, похоронили ихъ не брежно; самое кладбище ихъ было мѣстомъ позора. Быть похороненнымъ вмѣстѣ съими означало быть опозореннымъ по смерти своей, означало

¹⁾ Biblisch. Commentar u. d. Proph. Jesaja, von Deitsch, S. 518—519; Drexslter, Der Prophet. Jesaja, S. 296. Naegelsbach, Der Prophet Jesaja, S. 616.

то, что его современники, подведши итогъ его дѣятельности, признали его человѣкомъ крайне порочнымъ. Таковъ смыслъ этого обычая въ его идеѣ. Но развращенное общество Израилево, потерявъ нравственное чутье и уваженіе къ нравственному, нерѣдко считало между злодѣями лицъ высоконравственныхъ и лишало ихъ честнаго погребенія. Такъ поступали съ пророками (Іер. XXVI, 23; Мо. XXIII, 37). | Также безъ сомнѣнія хотѣли поступить и съ Рабомъ Господнимъ. Но, повѣствуетъ Евангеліе, пришелъ богатый человѣкъ изъ Аримаои... къ Пилату и просилъ тѣло Иисусово. Пилатъ приказалъ отдать тѣло. И взявъ тѣло, Иосифъ положилъ его въ новую своею гробѣ (Мо. XXVII, 57—60). Здѣсь находять свое объясненіе слова Исаии.

Яко беззаконія не сотвори, никаке обрѣтеся лесть во устахъ Его.

Яко—^{לְ}у. Гезеніусъ, Дрекслеръ и другіе ¹⁾ переводятъ ^{לְ}у не „потому что“, а „хотя“, „вопреки тому“ по подобію (Іов. X, 7; XXXIV, 7; XVI, 17). Но и въ этихъ мѣстахъ ^{לְ}у удовлетворительно можетъ быть переведено словомъ „потому что“. Потому что Онь не дѣлалъ насилия и не было обмана во устахъ Его. \ Что богоубийственному народу не суждено было видѣть исполненіе своего желанія — видимымъ образомъ включить Раба Господня въ число злодѣевъ, похоронить Его вмѣсть съ ними: что Онь былъ честно погребенъ у богатаго — это произошло не случайно. Это совершилось по волѣ Іеговы, не допустившаго безчестнаго погребенія Своего Раба. Честное погребеніе было началомъ Его прославленія, было воздаяніемъ Ему за то, что Онь не дѣлалъ насилия и не было обмана во устахъ Его. Насиліе и обманъ ^{תָּרַבֵּן} и ^{שְׁמֹנֶה}, соединенные съ наружнымъ внѣшнимъ благочестіемъ, представляются у пророка Софонія (І, 9), какъ особенно вопіюще грѣхи иѣхоторыхъ изъ израильянъ, за которые Іегова угрожаетъ чрезъ пророка наказаніемъ. Эти пороки наиболѣе преступны, потому что они свидѣтельствуютъ о крайней нравственной испорченности человѣка и потому что, касаясь ближнихъ, люди, употребляющіе насилие и

¹⁾ Commentar iib. Jesaia, 2-ter Thiel, von Gesenius, S. 186. Der Propheth Jesaia, von Drechsler, S. 257.

обманъ, хотять лишить ихъ всякой возможности отстранить отъ себя причиняемое зло, они совершенно отрицаютъ въ своихъ ближнихъ человѣческую личность, всякое ихъ право на жизнь и значеніе. Но эти-то пороки и были господствующими пороками у враговъ Раба Господня, ихъ-то они и обнаружили въ своихъ отношеніяхъ къ Рабу Господню, и только помимо ихъ воли Онъ изъять отъ ихъ насилия и несправедливаго суда (обманъ) (ст. 8). Такимъ образомъ характеризуя отрицательными чертами нравственную личность Раба Господня, пророкъ положительными чертами въ тоже время изображаетъ нравственное состояніе преслѣдователей и гонителей этого Раба. Въ Новомъ Завѣтѣ ап. Петръ относить эти слова ко Христу (1 Петр. II, 22).

Ст. 10. *И Господь хощетъ очистити Ею отъ язвы: аще дастся о грѣхъ, душа ваша узритъ съмѧ доложивотное.*

Словами: *и Господь хощетъ...* начинается не новая мысль, а заканчивается предыдущая. Въ этихъ словахъ заключается второй мотивъ, по которому Рабъ Іеговы удостоился почетного погребенія. Первый мотивъ заключается въ томъ, что Онъ не дѣлалъ зла, а второй—что Онъ терпѣлъ страданія во исполненіе воли Іеговы.

И Господь хощетъ очистити Ею отъ язвы — פְּאַתְּרֵלִי הָרְחִילִי, LXX выѣсто Καθητος читали Κανα, а הָרְחִילִי принимали за существит. съ членомъ. Но правильное чтеніе и пониманіе текста даетъ совершенно противоположную мысль. Это предложеніе представляетъ конструкцію, для европейскихъ языковъ неестественную. *הָרְחִילִי* стоитъ въ прямой зависимости отъ *ΥΕΓ*, какъ его дополненіе, и при томъ поставлено въ одной и той же форме съ глаголомъ управляющимъ (гиф. perfect. отъ *הָרְחִילִי*). Затѣмъ между управляющимъ глаголомъ и зависимымъ стоитъ еще *אֲנֹכִי*, которое съ своей стороны составляетъ дополненіе для *הָרְחִילִי*, а этотъ послѣдній глаголь переносить на него свое причинное значеніе, такъ что слова *אֲנֹכִי הָרְחִילִי* значить: Іегова сдѣлать чувствительнымъ мученіе Его, и вся мысль пророка должна быть передана такъ: но Іегова восхотѣлъ сдѣлать чувствительнымъ мученіе Его или: сильно му-

¹⁾ Подобный оборотъ встречается въ греч. въ новозавѣтномъ языке у апостола: «дерзко же и глаголю» выѣсто: «осмѣливаюсь сказать»; но это гебраизмъ.

чить Его. Въ согласи съ евр. переводить Иеронимъ: Dominus vo-luit conterere eum in infirmitate.

Аще дастся о грѣхъ, душа ваша узритъ сѣя.

Въ подлинномъ текстѣ слова „душа ваша“ относятся къ первой половинѣ периода и читаются: **ψευ** — душа его. Почему LXX перевели „душа ваша“ непонятно; понятнѣе толькъ текстъ, гдѣ стоять: **ἡ ψυχὴ ἡμῶν** — душа наша — **ψευ**, что не трудно смѣшать съ **ψευ**. Не стояло ли сначала у LXX **ἡ ψυχὴ ὑμῶν**, а потомъ **ἡ** можетъ быть по ошибкѣ переписчикомъ измѣнена въ **ἡμῶν**, откуда **ψευ** пошло чтеніе: **ἡ ψυχὴ ὑμῶν** — душа ваша? Во 2-хъ LXX слово **ψευ** (3 ед.) переводили **δῷτε** и **ψευ** — преступлѣніе, грѣхъ, — каковое значеніе это слово дѣйствительно и имѣетъ. Выходитъ переводъ: если вы дадите (себя) за грѣхи, души ваши увидятъ сѣя долговѣчное. Рѣчь такимъ образомъ идетъ уже здѣсь не о Рабѣ Геговы, а о комъ-то другомъ; пророкъ обращается къ какимъ-то людямъ, предлагая имъ средство спасенія. Кого именно разумѣль переводчикъ подъ этимъ „вы“, объяснить это мы не имѣемъ данныхъ. Но пользовавшіеся такимъ переводомъ, какъ вѣрны, давали опредѣленное значеніе этимъ мысламъ. Такъ Кириллъ Александрийскій пишетъ, что, когда пророкъ говоритъ: **ἐὰν δῷτε περὶ ἀμαρτίας**, то онъ обращаетъ свою рѣчь къ обществу язычниковъ¹⁾). Но чтеніе **δῷτε** держалось не во всѣхъ спискахъ греческой Библіи; въ иѣкоторыхъ стояло **δῷται** — съ такого списка сдѣланъ и славянскій переводъ. Впрочемъ мы имѣемъ основаніе думать, что **δῷтє** есть наиболѣе подлинный текстъ LXX, потому что это именно чтеніе встрѣчается у древнихъ толкователей — Кирилла Александрийскаго, Феодорита и Иеронима²⁾). Но для Иеронима такой переводъ казался настолько неправильнымъ, что онъ не нашелъ здѣсь возможнымъ стѣдоватъ своему обычаю: предлагая свой переводъ съ еврейскаго, толковать по греческому LXX. Здѣсь же онъ изъясняетъ и по переводу съ еврейскаго, предваряя толкованіе замѣчаніемъ: **juxta hebraicum hic sensus est**³⁾.

¹⁾ B. Cyriilli Alexandr. operum T. II, 751.

²⁾ Ibid. Hieronymi operum t. III, col. 387; Theodoretbi t. II, p. 118.

³⁾ Hieronymi operum T. III, col. 387.

Итакъ какой же смыслъ этихъ словъ будеть по переводу съ еврейскаго?

אַתָּה אַתְּשִׁת — **אתַתְּשִׁת** можно понимать и какъ 2-е л. муж. р. ед. ч. и какъ 3-е л. ж. рода. ед. числа. Тѣ, которые видять здѣсь 2-е л., считаютъ подлежащими „Іегова“ и переводятъ: если Ты дашь душу Его въ жертву вины, то онъ увидить потомство. Но пророкъ въ этомъ стихѣ говорить объ Іеговѣ въ 3 л., и потому, еслибы подлежащими здѣсь было дѣйствительное „Іегова“, то естественнѣе было бы ожидать здѣсь **וְתִשְׁתֵּת**. Повидимому неудобно принимать здѣсь и за 3 л. и считать подлежащими **וְתִשְׁתֵּת**, потому что въ такомъ случаѣ не будетъ дополненія и неизвѣстно будетъ, что же именно принесетъ въ жертву вины душа Его? Но это неудобство устраняется тѣмъ соображеніемъ, что **וְתִשְׁתֵּת** имѣть не только переходное значеніе: ставить, класть, но и непереходное: ставить себя, класть себя (1 Пр. XV, 2; 3 Пр. XX, 12), а при непереходномъ значеніи глагола дополненія и не требуется, и слова пророка будутъ имѣть значеніе: если душа Его принесетъ себя (положитъ себя) въ жертву вины, то Онъ увидить потомство.

בְּעֹלֶלֶת вины принадлежать къ одной категоріи съ жертвою за грѣхъ и отличается отъ послѣдней тѣмъ, что она приносилась въ болѣе важныхъ случаяхъ виновности еврея предъ закономъ, тогда какъ жертва за грѣхъ приносится въ случаяхъ болѣе маловажныхъ (ср. Лев. IV, 5, 14 и V, 15—26). Какъ на новую характеристическую черту жертвы вины, нужно указать на особенное участіе священника въ ней. Священникъ здѣсь является посредникомъ между Богомъ и грѣшникомъ попреимуществу. Священникъ очищаетъ его предъ Господомъ и виновному прощается все, что онъ ни сдѣлалъ бы (Лев. V, 26). Священникъ принимаетъ здѣсь особенное участіе въ преступленіяхъ виновнаго, онъ снимаетъ ихъ съ послѣдняго, береть ихъ какъ бы на свою отвѣтственность. Наконецъ приносящий долженъ быть предъ принесеніемъ жертвы совершилъ покаяніе, чтѣ также указывается на особую важность жертвы, и законъ называетъ жертву вины великою святыней (Лев. VII, 1). Такимъ образомъ освобожденіе человѣка отъ грѣховъ болѣе важ-

ныхъ посредствомъ жертвы вины, сопровождение этого дѣйствія покаяніемъ грѣшника, особенное участіе священника въ очищении грѣшника отъ грѣха—вотъ три характеристическія черты жертвы вины, и следовательно жертвы, принесенной Рабомъ Іеговы за людей. Дѣйствительно, скорбь Господа о грѣхахъ человѣчества, какъ своихъ собственныхъ (раскаяніе), подъятіе имъ на Себя и самыхъ тяжкихъ преступленій всего человѣчества и понесеніе ихъ посредствомъ добровольного и безропотного страданія за нихъ, полное освобожденіе отъ грѣха и вины предъ Богомъ чрезъ страданія Богочеловѣка—вотъ то, что составляетъ содержаніе искупленія и что служитъ основаніемъ созданія Христомъ церкви. — Кажется, пророкъ не безъ намѣренія употребилъ здѣсь выраженіе: „душа Его“. Это выраженіе напоминаетъ намъ извѣстное мѣсто изъ книги Левитъ XVII, 11: душа тѣла въ крови, и Я назначилъ ее вами для жертвенника, чтобы очищать души ваши, потому что кровь посредствомъ души, которая въ ней, очищается. Извѣстно, что въ обрядѣ жертвы главное и существенное значеніе имѣла кровь, кропленію которой приписывалось свойство дѣлать человѣка чистымъ. Іегова изъяснилъ, почему онъ усвояетъ крови такое дѣйствіе. Въ крови душа тѣла. Теплая кровь животнаго есть то, что движеть его, поддерживаетъ въ немъ жизнь. Такимъ образомъ то, что очищаетъ человѣка, есть не вѣшнее, а внутреннее: жизнь, душа животнаго имѣетъ значеніе очистительного средства. Такъ и здѣсь приносится въ жертву душа Раба Іеговы, его жизнь, его внутреннее существо, любовь. Эта любовь и была тѣмъ, что служила мотивомъ самопожертвованія и тѣмъ, чѣмъ было привнесено въ жертву (Іоан. XV, 13; 1 Іоан. III, 16; Іоан. X, 18).

Слѣдствіемъ самопожертвованія Раба Іеговы будетъ то, что Опь увидитъ потомковъ. Видѣть потомковъ, радоваться, смотря не только на собственныхъ сыновей и дочерей, но и на сыновей сыновъ своихъ, есть общечеловѣческое желаніе и теократическое обѣтование праведнику. Однако пророкъ обѣщаетъ Рабу Іеговы не обыкновенное потомство. Обыкновенное потомство есть результатъ акта рожденія; тогда какъ потомство, обѣщанное Рабу Іеговы, должно быть результатомъ Его смерти, Его самопожертвованія.

Впрочемъ и та истина, что смерть, исполненная самоожертвованія и послѣдовавшая за такою же жизнью, находитъ продолжателей тѣхъ убѣждений и тѣхъ жизненныхъ началъ, которыми были проникнуть сошедшій въ могилу мученикъ, неизвѣстна и не нова для человѣчества. Ясно слѣдовательно, что Рабъ Иеговы будетъ имѣть потомство, связанное съ нимъ узами не физического рожденія и родства, но нравственнаго. На эту истину, которая осуществлялась въ исторіи Христа во всей своей полнотѣ, указываетъ Онъ Самъ: *истинно, истинно говорю вамъ: если пшеничное зерно, падши на землю не умретъ, то останется одно; а если умретъ, то принесетъ много плода* (Иоан. XII, 24). Потомство есть такимъ образомъ общество вѣрующихъ, церковь, которую Христосъ стяжалъ Свою кровью. „Поэтому, говоритъ блаж. Иеронимъ, Онъ трудился, Онъ увидѣть церкви, возникшія во всемъ мірѣ и будеть насыщаться вѣрой ихъ“¹⁾.

Долгожитіе. У LXX *στέρμα μαχρόζιον*, въ вульгатѣ *posteritatem longaeum*. Но удачнѣе *לְמִזְרָחַ מִזְרָחַ* понимать отдельно отъ *עַד*, какъ самостоятельную мысль (imperf. калъ)—будеть долгожитівать. Но поелику происхожденіе Раба Господня отъ дней вѣчныхъ, то и слова: „будеть долгожитівать“ обозначаютъ: будеть вѣчно жить съ своими послѣдователями. Что предсказаля пророкъ, то подтвердилъ самъ Христосъ Своимъ послѣдователямъ: *се Я съ вами во всѣ дни до скончанія вѣка* (Мо. XXVIII, 20).

Ст. 11. *И хощетъ Господь рукою Свою отъяти болѣзнь отъ души Его, явити Ему сеньть, и создати разумомъ, оправдати праведнаю благо служаща многимъ, и гряди ихъ той понесетъ.*

И хощетъ Господь рукою Свою отъяти болѣзнь отъ души Его. Слав. текстъ этихъ словъ представляеть пѣкоторыя отступленія отъ текста LXX. Во 1-хъ у LXX нѣтъ словъ: *рукою своему*; во 2-хъ въ славян. неправильно переведено поясъ словомъ болѣзнь. У LXX читается: *καὶ βούλεται Κύριος ἀφελεῖν ἀπὸ τοῦ πόνου τῆς ψυχῆς αὐτοῦ*: и хощетъ Господь отъяти трудъ отъ души Его.

¹⁾ В. Ніегопумі оперум т. III, col. 387.
Христ. Чтец. № 11—12, 1881 г.

Кирилль Александрийский въ объясненіе этихъ словъ пишетъ: прежде честного креста Христосъ былъ прискорбенъ даже до смерти. Ибо такъ написано святыми евангелистами. А послѣ того какъ, святивши адъ, Онъ на третій день ожилъ, Онъ отложилъ трудъ страданія и далъ побѣду благомыслящимъ. Богъ и Отецъ хотеть отъять трудъ отъ души его, очевидно, Христа, т. е. перемѣнить печаль креста на радость ¹⁾.

„Явiti Ему свѣтъ, создати разумомъ. оправдати праведнаго благо служаща многимъ. Здѣсь славив. текстъ составляетъ точный переводъ LXX. Древніе толкователи такъ понимали эти слова. „Явiti Ему свѣтъ, т. е. чтобы Христосъ видѣлъ всѣхъ Имъ же Самимъ просвѣщенными“ ²⁾. „Создати разумомъ, т. е. преобразовать Свою божественною премудростю тѣхъ, которые увѣруютъ въ Него, представить сообразными Ему чрезъ освященіе въ духѣ. А говорится также и то, что Богъ хочетъ создать два варода въ одного нового человека“ ³⁾. „Оправдати праведнаго благо служаща многимъ. Ибо Онъ пришелъ не да послужить Ему, но послужить. Тотъ, Кто явился во плоти, оправдался въ духѣ. Это Тотъ, о которомъ Гуда предателъ сознается: согрѣшилъ, предалъ кровь невинную. И должно замѣтить, что оправдывается не за тѣмъ, чтобы изъ неправеднаго стать праведнымъ; но праведный оправдывается не для того, чтобы начать быть тѣмъ, чѣмъ не былъ, но чтобы несѣмъ открылось, что Онъ былъ“ ⁴⁾.

Но текстъ LXX составляетъ неправильный переводъ съ еврейскаго. Эти неправильности состоятъ въ слѣдующемъ. Во 1-хъ LXX невѣрно дѣлать текстъ; во 2-хъ здѣсь допущено неправильное сочетаніе предложенийъ; въ 3-хъ встрѣчается неудачная и неправильная передача словъ; въ 4-хъ слово יְהָזֵק опущено.

Опустивши въ первомъ предложеніи названное слово, LXX безъ основанія отнесли къ нему слова ἀπὸ τοῦ πόνου τῆς φυχῆς αὗτοῦ, которая удачнѣе относить къ слѣдующему предложенію. УЕП поняли,

1) B. Cyrilli Alexandr. t. III, col. 1188. Ср. Hieronymi t. IV, col. 531.

2) Hieronymi t. IV, col. 531.

3) Cyrilli t. III, col. 1188—9.

4) B. Hieronymi t. IV, col. 531.

какъ глаголь главный (регр. *каль*), которому *п'яз* служить дополнениемъ. *п'яз* приняти въ значеніи отнимать, отсѣвать, которое хотя этотъ глаголь и имѣть, но здѣсь неудачно. И вышелъ переводъ: Господь хочетъ отъять отъ труда души Его, каковы слова не даютъ никакой ясной мысли. Поэтому правильное пониманіе текста должно быть такое. УЕП подлежащее — хотѣніе, воля; *п'яз* (impregf. *каль*) сказуемое. *п'яз*, имѣя основное значеніе пересѣвать, переходить, къ переносному смыслу значить: успѣвать, удаваться. Получается смыслъ: и воля Иеговы рукою Его будетъ удаваться, т. е. успѣшно совершаться. Совершенно согласно съ этимъ Иеронимъ: *et voluntas Domini in manu ejus dirigetur*¹⁾.

Въ этихъ словахъ пророкъ очевидно продолжаетъ описание того возмездія, которое даруетъ Иегова Своему Рабу за Его страданія. Ранѣе онъ сказалъ, что Рабъ Господень увидитъ потомковъ, будетъ долговечноватъ, а здѣсь онъ присовокупляетъ, что при помощи и содѣйствіи Мессіи воля Господня будетъ благоуспѣшно исполняться среди Его потомковъ, слѣд. цѣль, для которой страдалъ Рабъ Господень, будетъ осуществляться. Видѣть, что трудъ, предпринятый для достиженія известной цѣли, не остался безъ послѣдствій, что онъ приносить плоды,—составляетъ высокое и чистое удовольствіе для всякаго существа нравственнаго, равно какъ составляетъ удовольствіе для Него наблюдать и постоянно содѣйствовать основанному имъ обществу въ достижени имъ цѣли, доставленной ему Имъ же самимъ. Въ этомъ смыслѣ благоуспѣшное исполненіе воли Господней въ обществѣ, основанномъ Мессіей, и при Его содѣйствіи—будетъ составлять для Него награду.

Сообразно съ мазоретской пунктуацией еврейского текста и со смысломъ рѣчи слова *апѣ тобъ пою* *тѣс фухъс* *аутоб* должно относить къ послѣдующимъ, причемъ, переводъ *апѣ тобъ пою* не правиленъ: *тѣс* значитъ *бѣ тобъ пою* за трудъ, величестве труда. Впрочемъ *тѣс* по коренному своему значенію выражаетъ от-

¹⁾ Слова эти имѣютъ самую тѣсную связь съ предыдущими, и потому ихъ справедливо относить къ предшествующему стиху.

дѣленіе отъ чего, освобожденіе отъ чего. Это отдѣленіе по отношенію къ извѣстному мѣсту обозначаетъ минование извѣстнаго мѣста; по отношенію къ времени окончаніе извѣстнаго событія. Принимая первое значеніе предлога, Гезеншталь переводить: свободный отъ страданія Своей души. Розенмюллеръ принимаетъ второе значеніе: послѣ подвига Своей души¹⁾). Но очевидно пророкъ ставить подвигъ души Раба Господня и Его довольство не во виѣшнюю связь временной послѣдовательности, а во внутреннюю, причинную, поэтому **и** значить здѣсь: изъ за, ради.

אָהֲבֵסָא: **אָהְתָּף** **פֶּשֶׁס**. **אָהֲבֵסָא** понимается у LXX какъ дополненіе къ **בוֹלֵסָתָא**, и слова **אָהֲבֵסָא**: **אָהְתָּף** **פֶּשֶׁס** составляютъ свободный переводъ евр. **לְמַלְאָה** (imperf. *кало*), которому придается здѣсь причинное значеніе—Исгова захотѣла сдѣлать, чтобы Онъ видѣлъ, отсюда: явити Ему счастье; но **לְמַלְאָה** значить увидеть. Совершенно согласно съ еврейскимъ Иеронимъ: pro eo, quod laboraverit (вульгата—laboravit) anima ejus, videbit.

כִּי **תַּלְאַסֵּא**: **תְּבֻנֵּסְאֶת**. Послѣднее слово лучше относить къ слѣдующему предложенію. **כִּי** **תַּלְאַסֵּא**: также поставлено въ качествѣ дополненія къ **בוֹלֵסָתָא** и составляетъ неправильный переводъ евр. **עֲשֵׂה**, которое LXX производили отъ **בָּשָׁר** (—**בָּשָׁר**) создать, образовать. Но на самомъ дѣлѣ **עֲשֵׂה** отъ **עֲשָׂה** быть сытымъ и потому **עֲשֵׂה** значить—насытиться, въ переносномъ смыслѣ—почувствовать себя довольнымъ. Такъ у Иеронима: et saturabitur. Подобнымъ образомъ переводить некоторые новые комментаторы, напр. Генштейнбергъ—Sättigt sich²⁾, Делич—Wird sich laben³⁾. Но при такомъ пониманіи текста предыдущее **לְמַלְאָה** не имѣло бы дополненія. Кого или что увидеть? Комментаторы восполняютъ этотъ недостатокъ по личнымъ соображеніямъ, не лишеннымъ произвола, подставляя какое либо подразумѣваемое дополненіе. Одни подразумѣваютъ **עַמְּךָ** ст. 10—потомство, другие (напр. Гитцигъ **בְּטַבָּה**—благо (по подобію Иер. XXIX, 32), треты (Генштейнбергъ) плоды и награды страданія, изображенныя въ пред-

¹⁾ Biblisch. Commentar ü. d. Prophet Iesaja, von Delitsch, S. 524.

²⁾ Christologie des alten Testaments ersten Theiles zweite Abtheilung, S. 355.

³⁾ Biblisch. Commentar üb. d. Proph. Iesaja, S. 524.

шествующемъ стихѣ¹⁾). Но всѣ эти предположенія произвольны.) Наконецъ четвертые считаютъ здѣсь дополненіемъ **לְמַעַן**—Онъ будетъ смотрѣть на трудъ души Своей (напр. Михаелись, а также русскіе переводы—синодскій, вѣнскій и лондонскій). Но тогда естественнѣе было бы ожидать **לְמַעַבּ**. Лучше всего считать дополненіемъ послѣдующее **עֲשָׂוֹת**). Всѣдѣствіе труда души Своей Онъ увидѣть сътость, т. е. удовлетвореніе Себѣ, удовольствіе.

Этими словами заканчивается изображеніе наградъ, которыя получить отъ Господа Его Рабъ за Свой подвигъ. Пророкъ съ строгою постепенностью изображаетъ эти награды. Сначала Онъ указалъ ближайшую, имѣющу такъ сказать отрицательный смыслъ, именно изъятіе и избавленіе отъ страданія; затѣмъ перечисляетъ награды положительного свойства—почетное погребеніе, дарованіе потомства, долголѣтная жизнь среди послѣдняго и благоуспѣшное исполненіе воли Господней Его потомками при Его содѣйствіи. Очевидно, что пророкъ образно описываетъ прославленіе Раба Господня; онъ пользуется тѣми образами, подъ которыми для ветхозавѣтнаго теократа представлялся идеаль вышаго земнаго благополучія. Многочисленное потомство, собственная долголѣтняя жизнь, процвѣтаніе благочестія въ семействѣ, которымъ вполнѣ руководить глава семейства—вотъ *summum bonum* ветхозавѣтнаго теократа. Что пророкъ пользуется такими образами, это зависѣло конечно отъ того, что онъ изображалъ будущія события, которыхъ онъ естественно не могъ представить въ ихъ полной исторической конкретности. Для него ясны были только основные мысли будущей судьбы Раба Господня, и если онъ хотѣлъ представить ихъ въ живыхъ образахъ, то онъ естественно долженъ былъ заимствовать ихъ изъ знакомой ему дѣйствительности. Впрочемъ и такой способъ изображенія вполнѣ достигаетъ своей цѣли, такъ какъ и чрезъ эти образы пророкъ вѣрно представилъ судьбу Раба Господня.

Въ рассматриваемой мысли пророкъ обобщаетъ все то, что онъ ранѣе сказалъ о страданіяхъ и прославленіи Раба Господня.

¹⁾ Christologie des alten Testaments, ersten Theiles zweite Abtheilung, von Henstenberg, S. 356.

Слова: „трудъ души Его“ вкратцѣ обнимаютъ мысли стт. 2—7; слово „удовлетвореніе“ обнимаетъ мысли стт. 8—10. Но и здѣсь пророкъ употребляетъ образное выраженіе. „Всѣдѣствіе труда“—трудъ—**שׁבָע** обозначаетъ тяжелую, изнурительную физическую работу, напр. пашню. и, какъ кажется, пророкъ изображаетъ здѣсь Мессію подъ образомъ цахаря, который добросовѣстный, усердный и тяжелымъ полевымъ трудомъ приобрѣлъ себѣ много хлѣба, и потому можетъ быть всегда сытымъ.

וְאֶת Въ дальнѣйшихъ словахъ пророкъ въ уста самого Иеговы магаетъ рѣчь о Своемъ Рабѣ, и Самъ вѣчный Господь показываетъ вѣчное, непрекращающееся значеніе дѣла Раба Господня. Всѣмъ вѣрующимъ въ Него Мессія доставить оправданіе и искупленіе. Будучи достопокланяемъ царемъ всей земли, Овъ будеть для людей вѣчнымъ ходатаемъ и искупителемъ.

בְּרִית Разумомъ оправдати Праведнаго благо служаща многимъ.

Оправдати—**בְּרִית** LXX понимаютъ также, какъ дополненіе къ **עֵדָה**, посему и послѣдующія слова **בְּרִית־עֵדָה** считали винительнымъ надежемъ; но очевидно это подлежащее къ **בְּרִית**, Праведникъ Рабъ Мой оправдаетъ многихъ познаніемъ Своимъ.

בְּרִית Разумомъ—**בְּרִית** одни переводятъ: чрезъ познаніе Его, другіе—чрезъ Свое познавіе. Первый пониманіемъ дается та догматическая мысль, что чрезъ познаніе Мессіи т. е. чрезъ вѣру въ Него многие будутъ оправданы. Но есть много оснований дать предпочтеніе второму смыслу. Что касается вообще до правильности такого перевода, то она не подлежитъ сомнѣнію (ср. Пр. XXII, 17). Въ частности по отношенію къ данному мѣсту къ такому переводу и пониманію побуждаютъ насъ слѣдующія соображенія. По воззрѣнію пророковъ вѣденіе представляетъ собою необходимое существенное свойство и принадлежность лица, называемаго къ пророческому, первосвященническому и царскому служенію. По Давиду ХІ, 3 вѣрные учителя называются обратившими многихъ къ правдѣ; по Мал. II, 7 уста священника должны хранить вѣденіе; по Ис. XI, 2 отрасли Йессеевы, Мессія царю, въ числѣ семи даровъ дается даръ веденія. Это то вѣденіе пророкъ приписываетъ здѣсь Рабу Иеговы, какъ необходимое средство

для того, чтобы быть Ему истиннымъ и вѣчнымъ священникомъ, вѣчнымъ посредникомъ между Богомъ и людьми. Вотъ какъ изображаетъ эту связь между вѣденіемъ и исполненіемъ священническаго служенія Мессіею нашъ пророкъ: Господь дадъ мяъ языкъ мудрыхъ, чтобы я словомъ могъ подбрѣпить изнемогающаго. Господь открылъ мяъ ухо, и я не воспротивился, не отступилъ назадъ. Я предалъ хребетъ мой блющимъ и ланиты мои поражающимъ (Ис. I, 4—6). \ Только совершенно полное и ясное познаніе Бога, Его совѣтовъ и Его воли могло укрѣпить Мессію въ перенесеніи искупляющихъ міръ страданій; только проникновеніе Мессіи въ духовно-правственное состояніе людей дѣлало и дѣлаетъ для него возможнымъ призывать въ Себѣ, въ Свое царство какъ отдельныхъ людей, такъ и цѣлые народы, оправдать ихъ.

*Прѣдиктъ. Рабъ Мой оправдаетъ многихъ. Оправдается—РѣЧЬ—обращать къ религіозной истинѣ, приводить къ правдѣ въ области религіозныхъ понятій и жизни. Такимъ образомъ здѣсь разумѣется не то объективное оправданіе, которое даровано всѣмъ людямъ безъ исключенія чрезъ понесеніе И. Христомъ всеобщей вины всего человѣчества, но то оправданіе, которое даруется человѣку по вѣрѣ въ И. Христа, или говоря языкомъ догматики, усвоеніе заслугъ Искупителя.\ Отсюда понятно, почему сказано: приведеть къ праведности *многихъ*, а не всѣхъ. De facto оправдываются именно только многіе, потому что не всѣ увѣровали и вѣруютъ во евангеліе, ибо и Исаія говоритъ: Господи! кто повѣрилъ слышанному отъ насть?*

И г҃рѣхи ихъ Той понесетъ.

У пророка уже въ 4 ст. было сказано, что Рабъ Іеговы взялъ на Себя наши немощи и понесъ болѣзни; здѣсь дается мысль подобная же; однако вторая не повтореніе первой. Тамъ говорилось объ объективномъ искупленіи всѣхъ людей, которымъ однакоже тотъ или другой человѣкъ въ отдельности можетъ воспользоваться и не воспользоваться, а здѣсь говорится о примѣненіи заслугъ И. Христа къ людямъ, вѣрующимъ въ Него.

Ст. 12. Сего ради Той наследуетъ многихъ и крѣпкихъ раздѣлить корысти, зане предана бысть на смерть душа

Его и со беззаконными вмънися, и Той уръхи многихъ вознесе и за беззаконія ихъ преданъ бысть.

Сего ради Той наслѣдитъ многихъ и крѣпкихъ раздѣлитъ корысти.

LXX, вульгата и Лютеръ первую мысль переводятъ: Я дамъ Ему въ удѣль многихъ, т. е. Рабъ будетъ господствовать надъ многими народами. Но по сличенію съ Іов. XXXIX, 17 ^{בְּרַכָּה} обозначаетъ не единичное и полное завладѣніе чѣмъ либо, а только участіе въ чѣмъ либо совмѣстно съ другими. Равнымъ образомъ переводъ ^{מִצְרָיִם} словомъ „многіе“ здѣсь неудаченъ; чрезъ сопоставленіе его съ ^{מִצְרָעָה} удачнѣе будетъ перевести: великие. Мысль пророка та, что Тотъ, который прежде былъ причтенъ къ злодѣямъ, теперь по своему величию и силѣ ставится на ряду съ великими и сильными землями; съ ними Онъ будетъ дѣлить добычу. Какую? Гезенпусъ и вообще всѣ тѣ толкователи, которые не хотятъ признать мессіанскаго значенія за пророчествомъ, принимаютъ эти слова пророка въ буквальномъ смыслѣ, равно какъ и ЛП, 15. Они думаютъ, что пророкъ изображаетъ здѣсь Мессію мірскимъ властелиномъ и великимъ за воевателемъ, который будетъ соперничать съ другими властелинами земли и превзойдетъ ихъ. Понявъ такъ слова пророка, толкователи этого направленія указываютъ на рассматриваемыя слова какъ на возраженіе противъ мессіанскаго смысла пророчества. Они говорятъ, что эти слова неприложимы ко Христу ¹⁾. Конечно въ прямомъ смыслѣ они неприложимы; но не надобно забывать, что въ данномъ пророчествѣ преобладаетъ не прямое, а образное представление предмета. Пророкъ представляетъ здѣсь высшія, духовныя состоянія и отношенія подъ образами, заимствованными отъ обычныхъ человѣческихъ отношеній и состояній. И это нужно твердо помнить при пониманіи пророчества. Иначе, понимая все здѣсь въ буквальномъ смыслѣ, можно впасть въ грубыя ошибки. Какъ же надобно понимать данные слова пророка? Несомнѣнно, что про рохъ говорить здѣсь о господствѣ Раба Господня надъ человѣче-

¹⁾ Christologie des alten Testamens, von Henstenberg, Ersten Theiles zweite Abtheilung, S. 361.

ствомъ, но не о томъ господствѣ, къ которому стремятся земные властелины, а о господствѣ совершенно противоположномъ, о нравственномъ; духовномъ господствѣ надъ духомъ людей. Здѣсь разумѣется та власть Мессіи надъ человѣчествомъ, о которой Онъ самъ сказалъ: *дана Мнѣ всякая власть на небѣ и на землѣ* (Мо. XXVIII, 18). Но что это значитъ, что Мессія будетъ дѣлить *землю* добычу съ сильными земли? Какое отношеніе Христа къ земнымъ властелинамъ? Великіе и сильные земли являются здѣсь какъ представители мірскихъ интересовъ; ихъ господство надъ людьми имѣеть цѣллю пріобрѣтеніе себѣ земного, эгоистического благополучія—богатства, славы, могущества. Но среди владѣній этихъ властелиновъ Мессія насаждалъ, распространялъ и распространяетъ свое духовное царство, и когда распространеніе христіанства представляется этимъ властелинамъ противорѣчашимъ ихъ эгоистическимъ интересамъ, они противодѣйствуютъ этому, но Христосъ всегда являлся и является побѣдителемъ. Не смотря на все противодѣйствіе римскихъ императоровъ, христіанство быстро распространилось на всемъ пространствѣ римской имперіи и стало, по счастливому выраженію одного изъ защитниковъ христіанства, государствомъ въ государствѣ. Въ это время по истинѣ можно было сказать съ пророкомъ, что Рабъ Господень съ сильными дѣлить добычу.

Зане предана бысть на смерть душа Его и со беззаконными вмѣнися.

Такое право царствованія Раба Господня надъ человѣчествомъ даровано Ему за то, что Онъ пролилъ кровь Свою за человѣчество, между тѣмъ какъ тѣ люди, за которыхъ Онъ добровольно пожертвовалъ Свою жизнью, не только не сочли Его своимъ благодѣтелемъ, но причислили Его къ злодѣямъ, воображая, что Онъ за Свомъ грѣхами терпѣть страданія и смерть. Но именно за то, что Онъ былъ причисленъ къ злодѣямъ, Онъ и поставленъ царемъ надъ человѣчествомъ и безграницно царствуетъ надъ ними, потому что безмѣрию возлюбилъ его.

И той грѣхи многихъ вознесе и за беззаконія ихъ преданъ бысть.

Послѣдняя мысль можетъ быть передана точнѣе. За беззаконія ихъ—**מַשְׁעֵד** обозначаетъ тяжкихъ грѣшниковъ, отступниковъ, злодѣевъ. Преданъ бысть—**נִשְׁאָר** отъ **נֶאָר**. **לֹעֲזֵר** значитъ просить за кого, ходатайствовать за кого. отсюда: и за злодѣевъ сдѣлялся ходатаемъ.

Люди считали Мессію злодѣемъ, думали, что Онъ несъ наказаніе за Свои грѣхи, но на самомъ дѣлѣ было какъ разъ наоборотъ: они сами были злодѣями и преступниками предъ Богомъ. Онъ страдалъ для того, чтобы приобрѣсть у Отца право ходатайствовать за преступниковъ, молиться о прощеніи грѣховъ ихъ и тѣмъ доставлять имъ спасеніе и блаженство. И это ходатайство за преступниковъ началось еще на крестѣ; еще съ креста началъ Христосъ ходатайствовать за нихъ: Отецъ! прости имъ; они не знаютъ, что дѣлаютъ (Лук. XXIII, 34). Съ тѣхъ порь это ходатайство И. Христа за вѣрующихъ не прекращается и не прекратится до скончанія міра. Христосъ, говоритъ ап. въ соглашеніи съ пророкомъ, умеръ, но и воскресъ; Онъ и одесную Бога, Онъ и ходатайствуетъ за насъ (Римл. VIII, 34, ср. I Іоан. II, 1).

И. Орфаницкій.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ДУХОВНАЯ АКАДЕМИЯ

Санкт-Петербургская православная духовная академия Русской Православной Церкви – высшее учебное заведение, целью которого является подготовка священнослужителей, преподавателей духовных учебных заведений и специалистов в области богословских и церковных наук. Академия состоит из следующих подразделений: академия, семинария, подготовительное отделение семинарии, регентское отделение, иконописное отделение и факультет иностранных студентов.

Проект по созданию электронного архива журнала «Христианское чтение»

Проект осуществляется в рамках процесса компьютеризации Санкт-Петербургской православной духовной академии. В подготовке электронных вариантов номеров журнала принимают участие студенты академии и семинарии. Руководитель проекта – ректор академии епископ Гатчинский **Амвросий** (Ермаков). Куратор проекта – проректор по научно-богословской работе протоиерей Дмитрий Юрьевич. Материалы журнала подготавливаются в формате pdf, распространяются на компакт-диске и размещаются на сайте академии.

**На сайте академии
www.spbda.ru**

- события в жизни академии
- сведения о структуре и подразделениях академии
- информация об учебном процессе и научной работе
- библиотека электронных книг для свободной загрузки